

ОБРАЩЕНИЕ

бюро Всемирного Совета Мира к мировому общественному мнению

Сессия бюро Всемирного Совета Мира приняла обращение к мировому общественному мнению в связи с предстоящим совещанием министров иностранных дел четырех держав в Женеве.

Текст обращения гласит: Совещание глав правительств четырех держав в Женеве в июле текущего года глубоко изменило международную атмосферу. Оно отразило желания народов. Общественное мнение никогда не согласится, чтобы первые достигнутые результаты были сведены на нет, оно не может удовлетвориться простой передышкой в «холодной войне».

Никто не игнорирует серьезных трудностей, которые должны будут преодолеть четыре министра иностранных дел во время новой конференции, открывающейся в Женеве 27 октября.

Общее урегулирование не может быть достигнуто иначе, как путем переговоров, которые потребуют взаимного проявления доброй воли и неустойчивого терпения. В каждом случае, когда соглашение, каким бы скромным оно ни было, может быть достигнуто, оно должно иметь место. Это позволит достигнуть дальнейшего развития. Соглашение о безопасности ускорит разоружение. Соглашение о разоружении поможет в разрешении проблемы безопасности и воссоединения Германии.

В вопросе о разоружении точки зрения настолько сблизились, что его осуществление теперь зависит лишь от доброй воли правительств. Что касается расширения контактов и международного обмена, то первые шаги уже сделаны. Общественное мнение не допустит, чтобы несогласие в Женеве по какому-либо одному из пунктов повестки дня явилось бы предлогом для аннулирования этих результатов и послужило предлогом для неудачи совещания.

Сегодня, когда чувство страха отдалилось, когда недоверие ослабло, бремя «холодной войны» недопустимо. Люди хотят, чтобы была разрядка напряженности отразилась на жизни каждого, они хотят, чтобы сокращение вооружений принесло каждому больше достатка и чтобы ненавистная опасность атомного оружия была устранена.

Народы не допустят возвращения «холодной войны». Они требуют новых шагов к международному сотрудничеству. Они требуют отказа от политики военных блоков, они желают, чтобы политика переговоров, предпринятая сейчас, была распространена на все районы земного шара, которые испытывают на себе политику принуждения и «холодной войны».

Всемирный Совет Мира призывает каждого человека, каждый народ действовать, чтобы во всех странах, на всех континентах восторжествовал дух Женевы.

Бюро Всемирного Совета Мира

Вена, 13 октября 1955 года

ЖИТЬ В ДРУЖБЕ!

Датские туристы в СССР

Белоснежный пароход доставил несколько дней назад в Ригу датских туристов. Среди 115 туристов — рабочие, крестьяне, промышленники, представители торговых кругов, педагоги, работники искусства, журналисты. Маршрут их путешествия: Копенгаген — Рига — Ленинград — Копенгаген.

Датские туристы в колхозе «Ляцелисис». Фото Р. Трофимова

В столице Советской Латвии датчане провели три дня. Им была предоставлена широкая возможность ознакомиться с городом и жизнью трудящихся. Они побывали на заводах, в университете, на спектакле в театре оперы и балета Латвийской ССР. В Доме культуры профсоюзной молодежи встретились с представителями трудящихся и присутствовали на концерте художественной самодеятельности. Особый интерес вызвала поездка в колхоз.

— Наши газеты, к сожалению, не всегда пишут правду о вашей стране, — говорит Поул Класен, таможенный служащий из Копенгагена. — У нас очень много строят, наша молодежь выглядит превосходно. Вернувшись в Данию, я расскажу правду о Советском Союзе. Впечатление от поездки? Хорошо, очень хорошо!

Надо сказать, что слово «хорошо» на датском, немецком и русском языках очень часто слышалось во время бесед туристов с советскими людьми.

Владельцы фабрики готового платья в Копенгагене г-н Пребен Хольтен с готовностью делится впечатлениями:

— Теплая встреча, оказанная нам, превзошла все ожидания. Латвия пострадала от войны значительно больше, чем Дания, и мы с радостью увидели, что латвийский народ успешно решил задачу восстановления. Потрясающее впечатление производит латвийский балет. Очень красивый!

Мы спрашивали г-на Хольтена: могли ли туристы бесприпятственно видеть все, что хотели?

— Абсолютно все! — с жаром восклицает он. — Мы могли быть всюду, где хотели, и фотографировать все, что хотели. Думаю, что поездки датчан в СССР и советских людей в Данию будут способствовать развитию дружеских отношений между нашими странами и укреплению мира во всем мире.

Задаем вопрос туристу — датскому поэту Эрику Кнудсену:

— Что в СССР произвело на вас самое большое впечатление?

— То, что простые советские люди проявляют большой интерес к культурной жизни. Это брошилось мне в глаза при посещении театра и Дома культуры. Жалею, что незнаком с творчеством латвийского поэта Райниса, появлению, это большой поэт. Но многие произведения современной советской поэзии я знаю — мне переводит их один из друзей, владеющий русским языком. Я очень хотел бы, чтобы русских поэтов чаще переводили на датский язык, а датских поэтов — на русский.

В теплой, дружеской атмосфере происходили встречи датских гостей с советскими людьми. На заключительном приеме на борту парохода «Дания» один из туристов

сказал: — Датская поговорка гласит: «Для того чтобы узнать человека, достаточно посмотреть ему в лицо». Очень хорошо, что мы видели советских людей и советские люди видели нас. Это еще больше укрепило дружбу между нашими народами!

Проводить гостей из Дании пришли трудящиеся города. Все туристы — на палубе. Они машут платками, шляпами, национальными флажками. Их дружеские чувства проявляются в трогательном и волнующем эпизоде: уже тогда, когда судно начинает медленно отходить, на палубу выбегают турист с аккордеоном и играет гимн Советского Союза. Мелодию дружно подхватывают десятки голосов...

Р. ТРОФИМОВ

...И вот после короткого плавания по Финскому заливу пароход «Дания» прибыл в Ленинград. Опять приветствия, музыка, цветы, теплая встреча.

Разделившись на группы, датские туристы совершили прогулку по городу. Сенатская площадь, Зимний дворец, Смольный. Затем гости побывали у легендарного крейсера «Аврора», любовались видом Петропавловской крепости и Стрелки Васильевского острова, гуляли по аллеям Летнего сада, набережным Невы. У каждого туриста увидели памятник Ленину, возмужавшие новые заводы, фабрики, клубы, библиотеки и вузы, по Туркмении катили могучие валы коллективизации, ломая старые обычаи и привычки. Жадно читали туристы литературу — правдивую и вдохновенную, великую русскую литературу, литературу других народов. Бережно хранились в туркменском народе лучшие традиции устного народного творчества, демократические заветы классиков туркменской поэзии — заветы Махтумгули и Бемине. В конце 20-х и начале 30-х годов ярко возродилось творчество народных поэтов, особенно знаменитого Дурды Кыпча. Появились первые поэмы, рассказы, очерки.

В 1940 году состоялся Второй съезд туркменских писателей. Под руководством Коммунистической партии молодая туркменская литература овладевала опытом русских писателей, уверенно выходила на путь социалистического реализма. Она громко заявила народ на социалистическое строительство, прославляла его героические подвиги. Тогда были созданы произведения, которые до сего дня привлекают к себе читателей правдивым художественным изображением жизни. Хочется упомянуть здесь прежде всего повести и рассказы Н. Сарыханова, одного из первых наших прозаиков. Перечитывая сейчас лучшие произведения Н. Сарыханова, видишь, как близок был он к жизни своего народа. Разительные перемены, происшедшие в жизни нашего народа, в его быту, нашли хорошее отражение и у другого нашего писателя — А. Дурдыева. В 30-е годы сильно расширяет круг наш поэзия, которая становится все более разнообразной, все более реалистической, близкой к действительности.

Первая декада туркменской литературы в столице, в Москве, — она состоялась в 1945 году — завершила еще один период развития нашей литературы, период суровых военных лет. Все уезжая писателей были направлены тогда к одному: помочь Родине в тяжелой и священной борьбе. В самой гуще самоотверженно трудился в тылу народа звучали пламенные призывы писателей-агитаторов (особенно популярностью завоевал в то время народный шахир Ата Салих); широкое распространение в народе получили песни поэтов-фронтовиков: Ш. Кекилова, А. Нязова, К. Ипаева, Р. Алиева, Н. Помма, Д. Халдурия, Ч. Аширова и других. Первый войны был периодом, когда на новую ступень поднималась наша поэзия.

Но вот кончилась война, началась мирная жизнь, мирный труд. Партия сказала нам, писателям: на вас лежит великая обязанность в коммунистическом воспитании народа, пишете в полную силу, не давайте проникнуть в вашу среду апатичности, формализма, тенденции националистическим; партия предостерегла нас против чрезмерного увлечения историческими темами в ущерб изображению современности.

Развитие нашей литературы в послевоенный период проходило под знаком выполнения этих задач.

В послевоенные годы — мы с уверенностью можем сказать это — литература Советской Туркмении вступила в пору

своей зрелости. Признаком этой зрелости является наличие нефтяной вышки, коробочек хлопчатка и виноградной кисти красуется ковер — гордость нашего национального искусства. Взглядите в замысловатые узоры ковров, полюбуйтесь переделками его красных тонов, то ярким, как кровь, то светлым, как солнечный луч, то густым, темным до черноты. Перед вами — не просто предмет быта, украшение кибитки или комнаты. Глаз удивимся оттенкам цвета, четкий ритм рисунка, строгая, продуманная композиция — все это звучит как песня, сотканная руками народных мастериц.

Здесь, на ковре, как в устном народном творчестве — в сказках, легендах, дестанах, выражая трудовой народ свои мечты, свои чувства, свою жизнь.

Сравнить жизнь туркмен в прошлом и настоящем — все равно, что сравнить ночь и день.

Изменяется жизнь — изменяется и искусство. И конечно, не только туркменское ковровое искусство, но и литература, музыка, театр.

Во время декады в Москве мы развеем перед русскими читателями ковер нашей литературы. Оценять его будет самый строгий и самый добросовестный ценитель. Читая свои произведения, мы сами чувствуем, что многому следуем научиться и умелому построению сюжета, и искусству композиции, и тщательной шлифовке языка, стилистике. И потому мы ждем от наших друзей, более опытных, чем мы, литераторов Москвы, мастеров советской литературы, не флимажи, не похваля, а критики, строгой и серьезной, без слезок и синхронности. И чем эта критика будет строже, тем большую пользу она принесет и тем большую нашу благодарности вызовет.

Я не буду перечислять в этой статье все произведения, которые мы привезли в Москву, и не буду пытаться охватить все проблемы, которые волнуют сейчас туркменских литераторов. Скажу только о некоторых писателях, некоторых произведениях, показавшихся нам особенно интересными.

В истории туркменской литературы есть немало знаменательных дат. Нельзя не вспомнить 1934 год — год Первого всесоюзного съезда, на котором наша литература вместе с литературами других братских народов, разбуженных Октябрьской революцией, выглядела еще молодым зеленым ростком. Рост его определялся теми изменениями, которые происходили в жизни: возникали новые заводы, фабрики, клубы, библиотеки и вузы, по Туркмении катили могучие валы коллективизации, ломая старые обычаи и привычки. Жадно читали туристы литературу — правдивую и вдохновенную, великую русскую литературу, литературу других народов. Бережно хранились в туркменском народе лучшие традиции устного народного творчества, демократические заветы классиков туркменской поэзии — заветы Махтумгули и Бемине. В конце 20-х и начале 30-х годов ярко возродилось творчество народных поэтов, особенно знаменитого Дурды Кыпча. Появились первые поэмы, рассказы, очерки.

В 1940 году состоялся Второй съезд туркменских писателей. Под руководством Коммунистической партии молодая туркменская литература овладевала опытом русских писателей, уверенно выходила на путь социалистического реализма. Она громко заявила народ на социалистическое строительство, прославляла его героические подвиги. Тогда были созданы произведения, которые до сего дня привлекают к себе читателей правдивым художественным изображением жизни. Хочется упомянуть здесь прежде всего повести и рассказы Н. Сарыханова, одного из первых наших прозаиков. Перечитывая сейчас лучшие произведения Н. Сарыханова, видишь, как близок был он к жизни своего народа. Разительные перемены, происшедшие в жизни нашего народа, в его быту, нашли хорошее отражение и у другого нашего писателя — А. Дурдыева. В 30-е годы сильно расширяет круг наш поэзия, которая становится все более разнообразной, все более реалистической, близкой к действительности.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 123 (3468)

Суббота, 15 октября 1955 г.

Цена 40 коп.

ДЕКАДА ТУРКМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

МНОГОЦВЕТНЫЙ КОВЕР

К. КУРБАНСАХАТОВ, председатель правления Союза писателей Туркмении

В горах Туркменской Советской Социалистической Республики вместе с изображением нефтяной вышки, коробочек хлопчатка и виноградной кисти красуется ковер — гордость нашего национального искусства. Взглядите в замысловатые узоры ковров, полюбуйтесь переделками его красных тонов, то ярким, как кровь, то светлым, как солнечный луч, то густым, темным до черноты. Перед вами — не просто предмет быта, украшение кибитки или комнаты. Глаз удивимся оттенкам цвета, четкий ритм рисунка, строгая, продуманная композиция — все это звучит как песня, сотканная руками народных мастериц.

Здесь, на ковре, как в устном народном творчестве — в сказках, легендах, дестанах, выражая трудовой народ свои мечты, свои чувства, свою жизнь.

Сравнить жизнь туркмен в прошлом и настоящем — все равно, что сравнить ночь и день.

Изменяется жизнь — изменяется и искусство. И конечно, не только туркменское ковровое искусство, но и литература, музыка, театр.

Во время декады в Москве мы развеем перед русскими читателями ковер нашей литературы. Оценять его будет самый строгий и самый добросовестный ценитель. Читая свои произведения, мы сами чувствуем, что многому следуем научиться и умелому построению сюжета, и искусству композиции, и тщательной шлифовке языка, стилистике. И потому мы ждем от наших друзей, более опытных, чем мы, литераторов Москвы, мастеров советской литературы, не флимажи, не похваля, а критики, строгой и серьезной, без слезок и синхронности. И чем эта критика будет строже, тем большую пользу она принесет и тем большую нашу благодарности вызовет.

Я не буду перечислять в этой статье все произведения, которые мы привезли в Москву, и не буду пытаться охватить все проблемы, которые волнуют сейчас туркменских литераторов. Скажу только о некоторых писателях, некоторых произведениях, показавшихся нам особенно интересными.

В истории туркменской литературы есть немало знаменательных дат. Нельзя не вспомнить 1934 год — год Первого всесоюзного съезда, на котором наша литература вместе с литературами других братских народов, разбуженных Октябрьской революцией, выглядела еще молодым зеленым ростком. Рост его определялся теми изменениями, которые происходили в жизни: возникали новые заводы, фабрики, клубы, библиотеки и вузы, по Туркмении катили могучие валы коллективизации, ломая старые обычаи и привычки. Жадно читали туристы литературу — правдивую и вдохновенную, великую русскую литературу, литературу других народов. Бережно хранились в туркменском народе лучшие традиции устного народного творчества, демократические заветы классиков туркменской поэзии — заветы Махтумгули и Бемине. В конце 20-х и начале 30-х годов ярко возродилось творчество народных поэтов, особенно знаменитого Дурды Кыпча. Появились первые поэмы, рассказы, очерки.

В 1940 году состоялся Второй съезд туркменских писателей. Под руководством Коммунистической партии молодая туркменская литература овладевала опытом русских писателей, уверенно выходила на путь социалистического реализма. Она громко заявила народ на социалистическое строительство, прославляла его героические подвиги. Тогда были созданы произведения, которые до сего дня привлекают к себе читателей правдивым художественным изображением жизни. Хочется упомянуть здесь прежде всего повести и рассказы Н. Сарыханова, одного из первых наших прозаиков. Перечитывая сейчас лучшие произведения Н. Сарыханова, видишь, как близок был он к жизни своего народа. Разительные перемены, происшедшие в жизни нашего народа, в его быту, нашли хорошее отражение и у другого нашего писателя — А. Дурдыева. В 30-е годы сильно расширяет круг наш поэзия, которая становится все более разнообразной, все более реалистической, близкой к действительности.

Первая декада туркменской литературы в столице, в Москве, — она состоялась в 1945 году — завершила еще один период развития нашей литературы, период суровых военных лет. Все уезжая писателей были направлены тогда к одному: помочь Родине в тяжелой и священной борьбе. В самой гуще самоотверженно трудился в тылу народа звучали пламенные призывы писателей-агитаторов (особенно популярностью завоевал в то время народный шахир Ата Салих); широкое распространение в народе получили песни поэтов-фронтовиков: Ш. Кекилова, А. Нязова, К. Ипаева, Р. Алиева, Н. Помма, Д. Халдурия, Ч. Аширова и других. Первый войны был периодом, когда на новую ступень поднималась наша поэзия.

Но вот кончилась война, началась мирная жизнь, мирный труд. Партия сказала нам, писателям: на вас лежит великая обязанность в коммунистическом воспитании народа, пишете в полную силу, не давайте проникнуть в вашу среду апатичности, формализма, тенденции националистическим; партия предостерегла нас против чрезмерного увлечения историческими темами в ущерб изображению современности.

Развитие нашей литературы в послевоенный период проходило под знаком выполнения этих задач.

В послевоенные годы — мы с уверенностью можем сказать это — литература Советской Туркмении вступила в пору

своей зрелости. Признаком этой зрелости является наличие нефтяной вышки, коробочек хлопчатка и виноградной кисти красуется ковер — гордость нашего национального искусства. Взглядите в замысловатые узоры ковров, полюбуйтесь переделками его красных тонов, то ярким, как кровь, то светлым, как солнечный луч, то густым, темным до черноты. Перед вами — не просто предмет быта, украшение кибитки или комнаты. Глаз удивимся оттенкам цвета, четкий ритм рисунка, строгая, продуманная композиция — все это звучит как песня, сотканная руками народных мастериц.

Здесь, на ковре, как в устном народном творчестве — в сказках, легендах, дестанах, выражая трудовой народ свои мечты, свои чувства, свою жизнь.

Сравнить жизнь туркмен в прошлом и настоящем — все равно, что сравнить ночь и день.

Изменяется жизнь — изменяется и искусство. И конечно, не только туркменское ковровое искусство, но и литература, музыка, театр.

Во время декады в Москве мы развеем перед русскими читателями ковер нашей литературы. Оценять его будет самый строгий и самый добросовестный ценитель. Читая свои произведения, мы сами чувствуем, что многому следуем научиться и умелому построению сюжета, и искусству композиции, и тщательной шлифовке языка, стилистике. И потому мы ждем от наших друзей, более опытных, чем мы, литераторов Москвы, мастеров советской литературы, не флимажи, не похваля, а критики, строгой и серьезной, без слезок и синхронности. И чем эта критика будет строже, тем большую пользу она принесет и тем большую нашу благодарности вызовет.

Я не буду перечислять в этой статье все произведения, которые мы привезли в Москву, и не буду пытаться охватить все проблемы, которые волнуют сейчас туркменских литераторов. Скажу только о некоторых писателях, некоторых произведениях, показавшихся нам особенно интересными.

В истории туркменской литературы есть немало знаменательных дат. Нельзя не вспомнить 1934 год — год Первого всесоюзного съезда, на котором наша литература вместе с литературами других братских народов, разбуженных Октябрьской революцией, выглядела еще молодым зеленым ростком. Рост его определялся теми изменениями, которые происходили в жизни: возникали новые заводы, фабрики, клубы, библиотеки и вузы, по Туркмении катили могучие валы коллективизации, ломая старые обычаи и привычки. Жадно читали туристы литературу — правдивую и вдохновенную, великую русскую литературу, литературу других народов. Бережно хранились в туркменском народе лучшие традиции устного народного творчества, демократические заветы классиков туркменской поэзии — заветы Махтумгули и Бемине. В конце 20-х и начале 30-х годов ярко возродилось творчество народных поэтов, особенно знаменитого Дурды Кыпча. Появились первые поэмы, рассказы, очерки.

В 1940 году состоялся Второй съезд туркменских писателей. Под руководством Коммунистической партии молодая туркменская литература овладевала опытом русских писателей, уверенно выходила на путь социалистического реализма. Она громко заявила народ на социалистическое строительство, прославляла его героические подвиги. Тогда были созданы произведения, которые до сего дня привлекают к себе читателей правдивым художественным изображением жизни. Хочется упомянуть здесь прежде всего повести и рассказы Н. Сарыханова, одного из первых наших прозаиков. Перечитывая сейчас лучшие произведения Н. Сарыханова, видишь, как близок был он к жизни своего народа. Разительные перемены, происшедшие в жизни нашего народа, в его быту, нашли хорошее отражение и у другого нашего писателя — А. Дурдыева. В 30-е годы сильно расширяет круг наш поэзия, которая становится все более разнообразной, все более реалистической, близкой к действительности.

Первая декада туркменской литературы в столице, в Москве, — она состоялась в 1945 году — завершила еще один период развития нашей литературы, период суровых военных лет. Все уезжая писателей были направлены тогда к одному: помочь Родине в тяжелой и священной борьбе. В самой гуще самоотверженно трудился в тылу народа звучали пламенные призывы писателей-агитаторов (особенно популярностью завоевал в то время народный шахир Ата Салих); широкое распространение в народе получили песни поэтов-фронтовиков: Ш. Кекилова, А. Нязова, К. Ипаева, Р. Алиева, Н. Помма, Д. Халдурия, Ч. Аширова и других. Первый войны был периодом, когда на новую ступень поднималась наша поэзия.

Но вот кончилась война, началась мирная жизнь, мирный труд. Партия сказала нам, писателям: на вас лежит великая обязанность в коммунистическом воспитании народа, пишете в полную силу, не давайте проникнуть в вашу среду апатичности, формализма, тенденции националистическим; партия предостерегла нас против чрезмерного увлечения историческими темами в ущерб изображению современности.

Развитие нашей литературы в послевоенный период проходило под знаком выполнения этих задач.

В послевоенные годы — мы с уверенностью можем сказать это — литература Советской Туркмении вступила в пору

своей зрелости. Признаком этой зрелости является наличие нефтяной вышки, коробочек хлопчатка и виноградной кисти красуется ковер — гордость нашего национального искусства. Взглядите в замысловатые узоры ковров, полюбуйтесь переделками его красных тонов, то ярким, как кровь, то светлым, как солнечный луч, то густым, темным до черноты. Перед вами — не просто предмет быта, украшение кибитки или комнаты. Глаз удивимся оттенкам цвета, четкий ритм рисунка, строгая, продуманная композиция — все это звучит как песня, сотканная руками народных мастериц.

Здесь, на ковре, как в устном народном творчестве — в сказках, легендах, дестанах, выражая трудовой народ свои мечты, свои чувства, свою жизнь.

Сравнить жизнь туркмен в прошлом и настоящем — все равно, что сравнить ночь и день.

Изменяется жизнь — изменяется и искусство. И конечно, не только туркменское ковровое искусство, но и литература, музыка, театр.

Во время декады в Москве мы развеем перед русскими читателями ковер нашей литературы. Оценять его будет самый строгий и самый добросовестный ценитель. Читая свои произведения, мы сами чувствуем, что многому следуем научиться и умелому построению сюжета, и искусству композиции, и тщательной шлифовке языка, стилистике. И потому мы ждем от наших друзей, более опытных, чем мы, литераторов Москвы, мастеров советской литературы, не флимажи, не похваля, а критики, строгой и серьезной, без слезок и синхронности. И чем эта критика будет строже, тем большую пользу она принесет и тем большую нашу благодарности вызовет.

Я не буду перечислять в этой статье все произведения, которые мы привезли в Москву, и не буду пытаться охватить все проблемы, которые волнуют сейчас туркменских литераторов. Скажу только о некоторых писателях, некоторых произведениях, показавшихся нам особенно интересными.

В истории туркменской литературы есть немало знаменательных дат. Нельзя не вспомнить 1934 год — год Первого всесоюзного съезда, на котором наша литература вместе с литературами других братских народов, разбуженных Октябрьской революцией, выглядела еще молодым зеленым ростком. Рост его определялся теми изменениями, которые происходили в жизни: возникали новые заводы, фабрики, клубы, библиотеки и вузы, по Туркмении катили могучие валы коллективизации, ломая старые обычаи и привычки. Жадно читали туристы литературу — правдивую и вдохновенную, великую русскую литературу, литературу других народов. Бережно хранились в туркменском народе лучшие традиции устного народного творчества, демократические заветы классиков туркменской поэзии — заветы Махтумгули и Бемине. В конце 20-х и начале 30-х годов ярко возродилось творчество народных поэтов, особенно знаменитого Дурды Кыпча. Появились первые поэмы, рассказы, очерки.

В 1940 году состоялся Второй съезд туркменских писателей. Под руководством Коммунистической партии молодая туркменская литература овладевала опытом русских писателей, уверенно выходила на путь социалистического реализма. Она громко заявила народ на социалистическое строительство, прославляла его героические подвиги. Тогда были созданы произведения, которые до сего дня привлекают к себе читателей правдивым художественным изображением жизни. Хочется упомянуть здесь прежде всего повести и рассказы Н. Сарыханова, одного из первых наших прозаиков. Перечитывая сейчас лучшие произведения Н. Сарыханова, видишь, как близок был он к жизни своего народа. Разительные перемены, происшедшие в жизни нашего народа, в его быту, нашли хорошее отражение и у другого нашего писателя — А. Дурдыева. В 30-е годы сильно расширяет круг наш поэзия, которая становится все более разнообразной, все более реалистической, близкой к действительности.

Первая декада туркменской литературы в столице, в Москве, — она состоялась в 1945 году — завершила еще один период развития нашей литературы, период суровых военных лет. Все уезжая писателей были направлены тогда к одному: помочь Родине в тяжелой и священной борьбе. В самой гуще самоотверженно трудился в тылу народа звучали пламенные призывы писателей-агитаторов (особенно популярностью завоевал в то время народный шахир Ата Салих); широкое распространение в народе получили песни поэтов-фронтовиков: Ш. Кекилова, А. Нязова, К. Ипаева, Р. Алиева, Н. Помма, Д. Халдурия, Ч. Аширова и других. Первый войны был периодом, когда на новую ступень поднималась наша поэзия.

Но вот кончилась война, началась мирная жизнь, мирный труд. Партия сказала нам, писателям: на вас лежит великая обязанность в коммунистическом воспитании народа, пишете в полную силу, не давайте проникнуть в вашу среду апатичности, формализма, тенденции националистическим; партия предостерегла нас против чрезмерного увлечения историческими темами в ущерб изображению современности.

Развитие нашей литературы в послевоенный период проходило под знаком выполнения этих задач.

В послевоенные годы — мы с уверенностью можем сказать это — литература Советской Туркмении вступила в пору

своей зрелости. Признаком этой зрелости является наличие нефтяной вышки, коробочек хлопчатка и виноградной кисти красуется ковер — гордость нашего национального искусства. Взглядите в замысловатые узоры ковров, полюбуйтесь переделками его красных тонов, то ярким, как кровь, то светлым, как солнечный луч, то густым, темным до черноты. Перед вами — не просто предмет быта, украшение кибитки или комнаты. Глаз удивимся оттенкам цвета, четкий ритм рисунка, строгая, продуманная композиция — все это звучит как песня, сотканная руками народных мастериц.

Здесь, на ковре, как в устном народном творчестве — в сказках, легендах, дестанах, выражая трудовой народ свои мечты, свои чувства, свою жизнь.

Сравнить жизнь туркмен в прошлом и настоящем — все равно, что сравнить ночь и день.

Изменяется жизнь — изменяется и искусство. И конечно, не только туркменское ковровое искусство, но и литература, музыка, театр.

Во время декады в Москве мы развеем перед русскими читателями ковер нашей литературы. Оценять его будет самый строгий и самый добросовестный ценитель. Читая свои произведения, мы сами чувствуем, что многому следуем научиться и умелому построению сюжета, и искусству композиции, и тщательной шлифовке языка, стилистике. И потому мы ждем от наших друзей, более опытных, чем мы, литераторов Москвы, мастеров советской литературы, не флимажи, не похваля, а критики, строгой и серьезной, без слезок и синхронности. И чем эта критика будет строже, тем большую пользу она принесет и тем большую нашу благодарности вызовет.

Я не буду перечислять в этой статье все произведения, которые мы привезли в Москву, и не буду пытаться охватить все проблемы, которые волнуют сейчас туркменских литераторов. Скажу только о некоторых писателях, некоторых произведениях, показавшихся нам особенно интересными.

В истории туркменской литературы есть немало знаменательных дат. Нельзя не вспомнить 1934 год — год Первого всесоюзного съезда, на котором наша литература вместе с литературами других братских народов, разбуженных Октябрьской революцией, выглядела еще молодым зеленым ростком. Рост его определялся теми изменениями, которые происходили в жизни: возникали новые заводы, фабрики, клубы, библиотеки и вузы, по Туркмении катили могучие валы коллективизации, ломая старые обычаи и привычки. Жадно читали туристы литературу — правдивую и вдохновенную, великую русскую литературу, литературу других народов. Бережно хранились в туркменском народе лучшие традиции устного народного творчества, демократические заветы классиков туркменской поэзии — заветы Махтумгули и Бемине. В конце 20-х и начале 30-х годов ярко возродилось творчество народных поэтов, особенно знаменитого Дурды Кыпча. Появились первые поэмы, рассказы, очерки.

В 1940 году состоялся Второй съезд туркменских писателей. Под руководством Коммунистической партии молодая туркменская литература овладевала опытом русских писателей, уверенно выходила на путь социалистического реализма. Она громко заявила народ на социалистическое строительство, прославляла его героические подвиги. Тогда были созданы произведения, которые до сего дня привлекают к себе читателей правдивым художественным изображением жизни. Хочется упомянуть здесь прежде всего повести и рассказы Н. Сарыханова, одного из первых наших прозаиков. Перечитывая сейчас лучшие произведения Н. Сарыханова, видишь, как близок был он к жизни своего народа. Разительные перемены, происшедшие в жизни нашего народа, в его быту, нашли хорошее отражение и у другого нашего писателя — А. Дурдыева. В 30-е годы сильно расширяет круг наш поэзия, которая становится все более разнообразной, все более реалистической, близкой к действительности.

Первая декада туркменской литературы в столице, в Москве, — она состоялась в 1945 году — завершила еще один период развития нашей литературы, период суровых военных лет. Все уезжая писателей были направлены тогда к одному: помочь Родине в тяжелой и священной борьбе. В самой гуще самоотверженно трудился в тылу народа звучали пламенные призывы писателей-агитаторов (особенно популярностью завоевал в то время народный шахир Ата Салих); широкое распространение в народе получили песни поэтов-фронтовиков: Ш. Кекилова, А. Нязова, К. Ипаева, Р. Алиева, Н. Помма, Д. Халдурия, Ч. Аширова и других. Первый войны был периодом, когда на новую ступень поднималась наша поэзия.

Но вот кончилась война, началась мирная жизнь, мирный труд. Партия сказала нам, писателям: на вас лежит великая обязанность в коммунистическом воспитании народа, пишете в полную силу, не давайте проникнуть в вашу среду апатичности, формализма, тенденции националистическим; партия предостерегла нас против чрезмерного увлечения историческими темами в ущерб изображению современности.

не мало было допущено нашими писателями и ошибок, но общее направление нашей работы над исторической темой сейчас правильно и плодотворно, и, надо думать, появится немало хороших произведений о далеком и недалеком прошлом Туркмении.

Может быть, наиболее интересной фигурой в послвоенной туркменской литературе был безвременно умерший Ата Каушур. В его творчестве объединились постоянное изучение прошлого с пристальным интересом к современности. Автор двух популярных романов на современную тему, Ата Каушур зарекомендовал себя также как мастер реалистического рассказа. Его рассказы «Семья охотника Кандыма», «Туркменские кони», «Последний старшина», «Возвращение Сахи» и другие составляют лучшие страницы нашей прозы. Они богаты яркой народной речью, дышат неповторимым стилистическим своеобразием. А Каушурову свойственно было умение несколькими штрихами раскрыть внутреннюю переживанию героев.

Пусть цветут сады мичуринцев!

Новелла о генерале и садовнике

В дни Сталинградской битвы командующему армией потребовался для личных переговоров «по большому государственному делу» старый дубовский колхозник Федор Васильевич Куликов. Он доложил:

— В Дубовке имеется небольшой садик, в котором выращиваются новые сорта яблок, слив, абрикосов и винограда. Садовод-мичуринец Виктор Андреевич Корнеев ушел на фронт, а наблюдатель за садом и охранять его поручили мне. Теперь фронт совсем близко, в Дубовке стоят наши войска, прохладит вереницы беженцев... Все заглядывают в сад. Больше всего опасаются за молоденькую гибридную яблоню под номером шестьдесят восемь. Она в этом году даст первый урожай. Я должен описать ее плоды при полном их созревании, а отчет выслать на фронт через полевою почту Виктору Андреевичу Корнееву...

Генерал заерил колхозника, что садик мичуринца Корнеева будет охранять. Немедленно у входа в сад появилась надпись «Запретная зона», у калитки стал часовой с винтовкой: — Не подходить: тут научные яблоки и сливы!

Пост этот сохранился до полного созревания плодов. Дым Сталинградской битвы клубился над Дубовкой, Волга грохотала взрывами, а корневские яблоки и сливы под охраной Советской Армии зрели, как им полагается.

Трогательная новелла о генерале и садовнике и по сей день передается из уст в уста среди многочисленных садоводов — любителей Нижнего Поволжья.

Не зря бойцы охраняли садик Корнеева. Новые корневские сорта плодовых деревьев получили огромную популярность, корневские сливы ныне имеются едва ли не в каждом саду по берегам Нижней Волги и Ахтубы. Более того, государственная комиссия по районированию плодовых пород отобрала и рекомендовала семь новых сортов корневских слив для распространения в семи областях Советского Союза.

Садоводы-«скоростники»

Не меньшей популярностью среди садоводов-любителей пользуются «семеновские абрикосы». Это не сорт, а способ посадки и выращивания деревьев.

Каждое дерево имеет корневую систему. Садовод Яков Федорович Семенов объединил пять—шесть корневых систем абрикоса и заставил их работать на одно дерево. Достижение это простым приемом. Семенов прорастив подложными абрикосовых косточек, проростки сажаются в одном клубке до состояния войлока, затем их высаживают в лунку. Появляются всходы. Их прищипывают за исключением одного. На второй год после посева в лунке остаются одно дерево. Растет оно чрезвычайно бурно и на третий год, считая от посева косточек, дает обильный урожай.

Семенов засеял восемьдесят лунку, у себя во дворе в 1950 году, а в 1953 году он уже имел плодоносящий сад и собрал с него полторы тонны, в нынешнем — три тонны.

Дерева вишни со сложной корневой системой на третьем году после посева дали по три ведра ягод. Обильно плодоносят на третьем году после посева абрикосы.

Садовод-любитель Семенов обучил скоростному выращиванию деревьев многих садоводов Сталинграда.

Следует заметить, что при обычном выращивании деревьев семена или косточки высаживаются на грядки, называемые «школками». Из школки деревья пересаживаются в питомник, здесь прививаются или, как некоторые косточковые, остаются без прививок и через два—три года высаживаются на постоянное место в саду. Плодоношение наступает не ранее чем на восьмом году, считая от посева.

Семенов и его последователи выигрывают пять лет. Дело настолько серьезное и увлекательное, что им инстинктивно создаются областные организации. Специальная комиссия в составе крупнейших специалистов-садоводов и научных работников обследовала садик Якова Федоровича (производящего по улице Кузнецкой, в доме № 11, Ворошиловский район Сталинграда) на Даргоре.

Комиссия признала необходимым: «Поручить Сталинградской садово-виноградной опытной станции организовать работу по отбору на участке Семенова Я. Ф. более ценных форм по зимостойкости и качеству плодов, с целью предварительного испытанья, а затем и районирования их в питомниках области... Испытывать их при заказе посадочных лесных полос... Рекомендовать лесному управлению Облсельхозуправления испытать посадку абрикосовых насаждений путем посева на постоянное место по нескольким штук проросших семян в каждое посадочное гнездо... Заложить производственные опыты при озеленении Волго-Донского канала... Рекомендовать тов. Семенову, будучи председателем колхоза, проверить в производственных условиях свой способ выращивания абрикосов».

Научно-исследовательский институт плодородия имени Мичурина в своем заключении по работе Семенова отметил: «Это — первый опыт в Советском Союзе по скоростному выращиванию садов».

Без диплома

Мы сидим в маленьком садике Семенова на Даргоре. Стол завален великолепным виноградом, сливами, яблоками, грушами,

Иван ЕГОРОВ, собственный корреспондент «Литературной газеты»

СТАЛИНГРАД

абрикосами (урожай выведенных Семеновых сортов яблока снимается с поля по сентябрь).

Яков Федорович рекомендует посмотреть к Сталинградскому фруктовому рынку:

— Кто его заполняет? Преимущественно вот такие же садоводы-любители, как я. Среди них на рынке вы можете увидеть немало железнодорожников и водителей — пенсионеров. Многие из них поселили (а не посадили) свои сады три года тому назад, а сегодня досыта едят фрукты и часть урожая продают на рынке... Почему же наш опыт скоростного выращивания садов не применят в большом государственном масштабе? Помните, что сказано о садоводстве в решении февральско-мартовского пленума ЦК КПСС?

Вместе находим нужное место в брошюре: «Пленум ЦК КПСС считает необходимым создавать садоводство с развитием садоводства и виноградарства и ставит, как одну из важнейших задач — всемерное повышение урожайности садов и виноградарств, расширение площадей плодовых и ореховых насаждений, увеличение валовых сборов и товарной продукции с таким расчетом, чтобы в ближайшие годы резко повысить производство и потребление плодов, ягод, винограда».

А теперь смотрите на мой садик, — говорит Семенов. — Площадь 1200 квадратных метров. Садик этот способен прокормить две такие семьи, как моя. На доходы от садика я покупаю автомашину «Победа». Но что тысяча двести метров? Нужно минимум тысячу двести гектаров. Нужен специализированный колхоз или крупное отделение совхоза, и через три года я погоню в Москву шезлонги дешевых фруктов.

Семенов рвется на работу в колхоз. Он прошел сложный путь отборочных комиссий, утвержден как возможный кандидат в председатели колхоза, прошел стажировку в одном из лучших колхозов Сталинградской области. Но в колхозы требуются преимущественно руководители-землепашники. Семенов ищет работу садовода в совхозах и пока не находит ее. Тогда он решил поступить хотя бы рядовым рабочим на Сталинградскую производственно-экспериментальную лесозаготовительную станцию. Директор станции Ю. Годунов отказал Семенову:

— Рабочих у нас хватает, а в качестве специалиста принять не можем: у вас нет диплома.

Точно так же отказал Семенову руководителе Сталинградской садово-виноградной экспериментальной станции Т. Горин:

— Рабочей силой станция обеспечена... Побавляется специалистами беспесочного «мечтателя!»

Созвать бы мичуринцев-одиночек...

А Семенов торопится. Он затоварил целые калки абрикосовых косточек и держит их в условиях особого режима, — весной они должны быть обязательно высеяны, время не ждет. Он законтрактовал у соседней десятки тысяч виноградных чубуков. Нужна земля, хотя бы гектаров тридцать на первый случай.

Яков Федорович Семенов — инженер по транспорту и трамвайным сооружениям. В 1940 году он окончил с отличием Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта, имеет пятнадцать лет инженерной практики. Ныне работает старшим инженером треста железнодорожного строительства У. У него большой опыт по строительству мостов, гидротехнических и мелиоративных сооружений. И все же...

— Возпримем, Еду сеять сады. Не хватит рабочей силы — полсотни железнодорожников-пенсионеров с семьями придет на помощь, они сами предложили мне эту помощь. Школьники придут, — я со школами договорился.

Осторожные специалисты из областных организаций отговаривают:

— Не торопитесь, Яков Федорович. Вы же только любитель, дилетант, работаете втемную, знаний у вас нет.

Опасения совершенно неосновательны. Семенов еще в детстве был связан с практическим садоводством. Позже он исторически и глубоко изучил труды Дарвина, Мичурина, Вильяма, проштудировал все новейшие отечественные работы по плодородию, упорно переводит на русский язык и изучает опыт французских садоводов и виноградарей. Экспериментирует он не «втемную», а опираясь на точное знание биологических законов. К тому же он студент-заочник второго курса Сталинградского сельскохозяйственного института. У Семенова имеются готовые проекты крупных интенсивных садово-виноградных хозяйств. Дайте только базу.

Семенов утверждает:

— Среди садоводов-любителей я знаю десятки людей агрономически грамотных, богатых новаторским опытом. Если бы созвать конференцию мичуринцев-любителей, то несомненно наша агрономия получила бы необходимый материал для широких обобщений и практического применения уже достигнутого... Новые сады поселят колхозники и рабочие совхозов — мои автравные товарищи по работе. Надо только поднять, организовать их...

Иван ЕГОРОВ, собственный корреспондент «Литературной газеты»

СТАЛИНГРАД

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Заброшенная крепость

На днях я получил из Ленинграда письмо от брата, бывшего Петрокрепость — бывшего Шлиссельбург. Он пишет: «...Переполюсь, меня впечатления и глубокие волнения, смешанные с возмущением, не дают мне спокойно рассказать о виденном».

Сойдя с теплотхода на берег, мы обратились к милиционеру с вопросом, можно ли попасть в крепость? Оказывается, нельзя. Проезд на остров запрещен. А в Ленинграде висят афиши, призывающие посетить крепость. Может быть, все-таки попытаться?

И вот мы нанесли моторную лодку. Моторист переезжает нас в крепостную бухточку. Стояшь на крепостной стене, далеко внизу кактусы в зеленых волнах... А под ногами руины и руины. Но самое обидное, когда видишь, что разрушаются знаменитая крепость не временем, а людьми. Какие-то потерявшие совесть типы днем и ночью уносят из крепости на лодках решетки и кирпич. До войны здесь были установлены мемориальные доски, было все, что нужно для музея, а сейчас здесь запустели, бурьяновые джунгли.

Знает ли об этом Петрокрепостной горисполком? Я думаю: не может и знать!»

Нельзя не присоединиться к возмущению писавшего это письмо.

А. ЗЕЛЬЧЕНКО, военноморской

Североморск

От редакции. Наш корреспондент посетил на днях Петрокрепость. То, о чем пишет А. Зельченко, соответствует действительности. Крупнейшей исторической, мемориальной и военной памятником заброшенной крепости.

Несколько лет тому назад в крепости были начаты реставрационные работы. Разобрали завалы, восстановили Государеву башню, памятник на месте погребения казенных в крепости революционеров. Но работы эти не закончены: Государеву башню так и не покрыли железом, поставленные на крыше строения гниют. Площадка возле памятника узникам равелина захластана, заросла репейником и крапивой.

После войны у крепости был построен пирс. Уже в прошлом году он пришел в полную негодность, а сейчас от него осталось несколько торчащих из воды бревен.

Кто виноват в состоянии крепости? Мы обратились за разъяснением к председателю Петрокрепостного горисполкома тов. Махаеву.

— Горисполком ничего сделать не может. У нас нет средств. Мы обратились в областные организации, но они нам ничем не помогли.

— Но почему же вы не смогли организовать хотя бы охрану крепости?

— У нас были сторожа, но мы их сократили, поскольку крепость не входит в территорию города.

— Чья же это территория? На этот вопрос председателя горисполкома взрываетелюго ответа дать не смог. В одном из его писем в областную прессу написано: «Исполком городского Совета депутатов трудящихся города Петрокрепость не может охранять крепость, не имея сторожевой охраны, так как крепость не является объектом города».

Тов. Махаев и другие работники горисполкома забыли, видимо, постановление правительства, согласно которому охрана памятников культуры возложена на местные Советы.

Было бы, однако, неправильно всю ответственность за состояние Петрокрепости возлагать только на горсовет. Наш корреспондент обратился к инспектору по охране исторических памятников Управления культуры Ленинградского облисполкома тов. Громову. Тот сразу «отмежевывается»:

— Петрокрепостью мы не ведаем. Она находится на учете в отделе по делам архитектуры облисполкома.

Обратились к заместителю заведующего отделом по делам архитектуры тов. Колоколю, который сразу сослался на Петрокрепостной горисполком:

— Крепость в его ведении. Он ответствен за нее.

Из беседы с тов. Колоколом выяснилось, что на восстановление крепости в этом году было отпущено 50 тысяч рублей. Но не нашлось строительной организации, которая взялась бы за восстановительные работы... и деньги были переданы на другие цели.

Надо полагать, что Ленинградский облисполком возлагает одно и то же видное историческому памятнику было уделено то внимание, какого он заслуживает.

Мелочь ли это?

Я хочу говорить о мелочи — о копеечках, которыми мы, сами того не замечая, часто из лютости, а порой от безразличия возвращаем продавцов мороженого, газированной воды, пивос и т. д.

Недавно я отдыхал в Сочи. Вот что мне пришлось там наблюдать буквально на каждом шагу. Порция мороженого стоит 1 рубль 56 копеек, но редкий покупатель дает продавцу такую сумму — обычно дают 1 рубль 60 копеек. 4 копейки сдачи никто не предлагает, а тому, кто «сменит» — поминуть о них, продащица с оскорбленным видом язвительно и испрошено громко: «Чтобы слышали прохожие» — бросит: «Нельзя, гражданин, быть таким мелочным». И сконфуженный гражданин, усмиренный в этичности своего «протестующего», ретируется. В следующий раз он будет молчать. Так же поступают тысячи других людей — они, ни слова не говоря, оставляют в карманах продавцов копейки, из которых складываются немалые суммы.

В самом деле, сколько народу купит за день с одного лотка пивос, сколько стаканов воды отпустит в день одна продавщица! И от каждой коробочки спичек, от каждого стакана, от каждого пирожка остаются две, три, пять копеек. Продащицы привыкают брать, покупать — давать. И вот — мелочь и не в правилах рабочего человека швырять эти копейки.

Г. РЕШЕТАРОВ, поселек Октябрьский, Горловна

Новый литературный журнал

В Нुकче вышел первый номер ежемесечного журнала «Литература и искусство Кара-Калыкки» — органа республиканского Союза писателей. Журнал издается на каракалпакском языке. Первый номер открывают стихами В. Мажковского «Ленин с нами», рассказом поэтом С. Ситовым. Напечатаны новая поэма Б. Каширазова «В одном колодезе», рассказы С. Ходжаназарова, Ж. Сетназарова и другие материалы.

1. Мой друг Мухтар Ауэзов, знаменитый казахский писатель, вместе с другими делегатами советских коммунистов делегатами советских коммунистов делегатами советских коммунистов делегатами советских коммунистов...

Вспоминания поэтов, прозаиков, художников, писавших об индийском народе, искусстве, земле. Ну, а затем говорили о родном Казахстане.

Уже не кажутся печальными, заброшенными улицы Семипалатинска; не только скалами известен Усть-Каменогорск; пароды бороздят недавно пустынное озеро «Тысячи колоколов» — Зайсан, и шумят Джунгарские горы, мимо которых ведут сейчас железную дорогу в Китай!

— Каждую весну меня страстно манит в эту Страну Ежедневных Изменений! — сказала я.

Тогда Мухтар Ауэзов, глядя на мои седины, поведал поэтическую историю:

«В одном ауле кобылица принесла красивую жеребенка белой масти. Жеребенок быстро рос. К трем годам он превратился в тулпаря — превосходного скакуна. Как-то раз его владеец, в порыве любви к другу из соседнего аула, подарил Белого Коня. Скаун прожил в родном ауле только три года. В соседнем ауле он тоже жил недолго. Казах, получивший его в подарок, переподарил коня в отдаленный аул. И начал свои странствования Белый Конь! Через четыре года он стал викарием, известным всей степи. Но находился он далеко от тех мест, где был рожден: возле самого Аральского моря!»

Весной коней, родившихся не там, где они теперь пасутся, табуники должны усиленно сторожить. Коня стремятся на родные места! Повидимому, табуники Белого Коня были неопытны. Прискакал из-под Арала взволнованный владеец: «Не видел ли кто моего Белого Коня? Пропал!». Жители ответили: «Очень жаль, но Белого Коня не видели. Должно быть, на далеком тысячеверстном пути домой его поймал злой человек или загрызли волки». Владеец ждал три дня и с горестью покинул аул. А немного спустя из степи прибегали взволнованные ребяташки.

«Белый Конь вернулся!» И действительно, на зеленой полянке, где он впервые раскрыл глаза и увидел белый свет, пасся Белый Конь! Весь аул, плача от умиления, любовался им.

— Жаль только, что годы Белому Коню прибавляли бега, а нам уменьшают, — сказала я.

— В искусстве быстрый бег, пожалуй, кто и вреден?

И мы возобновили разговор об Индии.

Тут выяснилось, что Мухтар Ауэзову знаком Индия с такой стороны, с какой, пожалуй, она никому не известна.

— А я впервые увидел Индию, — сказал Мухтар, — у себя в Семире. Я видел тебя, Всеволод, когда ты под псевдонимом индийского факира Бен-Али-Бея шел в Индию, зарабатывая на дорогу путешествиями в цирке! Перед тем, как идти в цирк, я думал: увижу факира, человека особого племени — стойкость, мужество, отвагу! И я не ошибся, хотя, предположая увидеть мрачного, пожилую, смуглого мужчину с глубоко впадыми щеками, увидел круглолицего светлого юношу, веселого и жизнерадостного!

— Ты преувеличивал мое мужество, Мухтар. Как раз именно тогда я сомневался, выдержу ли индийские испытания мужества, и вообще в Индии ли мне искать того учителя знаний и чести, о котором я давно мечтал? Вопрос был далеко не решен, и чтобы подбодрить себя, я часто повторял: «Мы идем в Индию», понимая под словом «мы» всех, кто хочет учиться! Разумеется, я был наивен, но говорил же в степи: «Мечта даже коня идет быстрее, чем плеть!»

И разговор зашел о Семире, о его степях и горах.

Часто мы бываем на бывшем Сибирском тракте, по которому когда-то, слыше сорока лет назад, «мы шли в Индию». Тогда там была девственная степь с казахскими аулами, редкими хатами переселенцев и казахскими станицами. Как-то, в палисад подленья, я увидел с тракта далеко за камышами марево — огромное озеро и на берегу его — высокий белый город. «Что это?» — спросил я встречного казаха, ехавшего верхом на тощепе били, с продернутой шкурой лошадь волосяной веревкой. Казах ответил: «Озеро — Балхаш, а город — это над нами степь издавнается».

Мог ли я думать, что озеро Балхаш останется Балхашем, а на берегу его вырастет Большая Горд Мели? Мог ли я думать, что вдоль тракта появятся богатые колоды и совхозы; тракт превратится в железную дорогу, Турксиб; станицы — в города с театрами, институтами, библиотеками, фабриками, заводами? Мог ли я думать, что два хаусахостных города, в сотнях верст от железной дороги, превратятся в столицы и даже будут иметь свои академии?

Мог ли я, наконец, думать, что не одинокие странники-мечтатели, безземельные, безработные, что месили прежде пыль этого Сибирского тракта и вливающиеся в него проселочных дорог, а молодые ученые, юноши, люди новой, Советской страны, нового, социалистического общества, тысячами поедут сюда, чтобы поднимать целинные земли?

Тогда Мухтар проговорил:

— А почему бы, Всеволод, не рассказать тебе этим молодым людям историю о том, как некогда шли вы здесь, ища Индию?

Я ответил:

— Трудно! Много забыто, а многое придется добавить из жизни других, чтобы образы моей юности стали убедительными и правдоподобными. Воюсь тоже, что эти добавления покажутся чванством и хвастовством.

Мухтар сказал:

— Ты преувеличиваешь наше непоминание. Всеволод. А в общем, почему не попробовать?

— Попробовать, конечно, можно.

И тогда Мухтар сказал:

— Итак, начинается роман «Мы идем в Индию!»

2. Понали мы в станицу Сушкинской и деревню Отменитено, которые находились от дороги в Мелочную чуть ли не в пятидесяти верстах.

Любит почитать русский народ даже в самые трудные часы своей жизни! Межевая партия посадила переселенцев возле станицы Сушкинской временно, уверив, что на другой год это ее решение будет «отменено» и переселенцев посадят на другие, более лучшие места. Переселенцам ничего не оставалось, как только ждать. Они явно злы на своих землевладельцев «Отменитено», засеяли, чем могли, поле, устроили огороды и стали мнить презида чиновников, которые про них давно забыли.

Землей, где поселились отменитенцы, владели когда-то казахи. Но уже много

Всеволод ИВАНОВ

Мы идем в Индию

ОТРЫКИ ИЗ НОВОЙ КНИГИ РОМАНА «ПОХОЖДЕНИЯ ФАКИРА»

лет тому назад станичники из Сушкинской арендовали эту землю у казхов для покосов. Теперь станичники надеются, что при новой доревке земли они получат эти поля навсегда. А вместо этого появились отменитенцы! Совсем возле казахских полей их земляники! А в этом году вздумали строить церквушку, видимо, предполагая, что церквушка тоже может рассчитывать на свою долю — триста десятин, обещанных самой Государственной думой!

Потому-то сушкинцы-старожилы не навидели отменитенцев-новоселов.

...Мы вышли из Сушкинской, когда у самых топей станицы отменитенцы докарничали рытые каналы для фундамента церкви. Ждали пона, чтобы осветить кладку, ждали мрачно, возле корыта известковой, гудя кироча и глубокой канавы, на дне которой тускло поблескивала сырость.

У топей стояли сушкинцы в своих вышитых, но наглухо застегнутых казахских мундирах, в фуражках, надвинутых глубоко на уши, с плоскими, сытыми, твердыми лицами и узкими, злыми глазами. Особенно поразили меня саги сушкинцев: плотные, толстые, казавшиеся вылитые из железа, тогда как отменитенцы были босы, без шапок, в заплатанных портах и рубахах, тных и шитых еще, повидимому, где-нибудь в Рязанской или Тульской губернии.

Увидя нашу Нубию, один из отменитенцев, молодой мужик с понурой головой и непомерно широкими ступнями, спросил вологовца:

— Ты куда, шантрапа? Коня не дашь, денга на два полпакета? Конь у меня пал. Дай! Я вас — кормить-поить, работу найду...

Ясно, кормить ему нас нечем, работу он, конечно, не найдет, но мне его жалко, я посмотрел на Скурлатова, дал свое согласие.

В это время один из казхов, полный, белый, с толстыми аркачскими губами, закричал как-то переселенцу:

— Наша земля сухая, отчего и названа станица — Сушкинская. А ваши поля из сухих сухие. Их, если поливать, они родят, а без воды от них одна пыль. Убирайтесь, олухи!

— Церковь еще выдумали строить!

— И построим!

— Постройте! Для постройки, скажем, глину мешать, вода нужна. А откуда возьмете воду? Мы, казахи, аркы закарем!

— Лишьте нас воды?

— Арыки они закароют!

— Земли — лучше по всему краю!

— И зерна выловят!

— А мы — нищие!

Полный, белый казах, сдвинув на ухо фуражку, громко говорил:

— Не имеете права упрекать нашим богатством! Мы его перед парем-батюшкой заслужили. Оно, наше счастье-то, кровью заработано.

Скурлатов сказал:

— Ну, и слава богу, станичник, что есть у тебя хорошая земля, зерно. Только о своем счастье молчать, а не кричать.

— Помолчал бы ты лучше сам, парень!

Скурлатов еще более спокойной проговорил:

— Давайте разберемся, казахи. Казах не гоним своим добром хващаться: как бы не слгазист!

Казах с огромным туловищем, на коротких ногах, длиннорыдый, злой, толстостворный, завопил:

— А ты, что же, клейменый, грозись нам красным петухом?

— Я никому не грожусь. Мне лишь кажется, что вы, казахи, — тоже крестьяне и должны понимать, что издеваться над другими крестьянами, да еще голодными и несчастными, стыдно, не хорошо.

— Ишь, лоп выскакался! Не в эту церквушку канаву ты пришел, босиком-то, служишь?

Казахи захохотали.

Скурлатов продолжал:

— Кабы поп говорил вам всю правду, вы, станичники, быть может, над несчастными людьми не смеялись...

Казах на коротких ногах закричал всем своим огромным чревом:

— Ты нашего попа не трогай!

Сушкинцы подхватили:

— Он и над нами и над казахей лиригней смеется!

— Не позволим отменитенцам фундамент копать! И — осветать!

— Убирайтесь и с церквью своей и с землянками!

— Нам чиновники разрешили! Не увидим! Их сам царь послал!

— Мы сами чиновники! Мы сами здесь парь!

— Проваливай, безземельщина! Тогда Скурлатов сказал:

— Позвать станичного.

Какой-то мальчишка в трипачном колпаке провинжал восторженно:

— А станичный атаман сам драчун! Пришел атаман. Это был ватерошенный, черный, призматический мужик, у которого, видимо, болели колени, потому что он часто поглаживал их своими маленькими коричневыми, ладонями. Скурлатов рассказывал все атаману.

Атаман, выслушав, как полагалось ему, ту и другую сторону, отрывисто спросил:

— Телесное оскорбление было?

— Было! Не было! Было! Не было! Правнувшись спиной к толпе, атаман равнодушно сказал:

— В суд! Нынче все судом разрешается.

Тогда Скурлатов, совсем всмелев, положил руку на плечо атаману и снова повторил свое:

1905 год в искусстве

К 50-летию первой русской революции Государственное издательство изобразительного искусства (Изогиз) выпустило художественный альбом «1905 год в произведениях живописи, графики, скульптуры»...

В ПИСАТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Оживилась работа секций

ФРУНЗЕ. (Наш корр.). На одном из заседаний президиума правления Союза писателей Киргизии возник вопрос: не поручить ли руководить творческими секциями работникам прессы?...

Шестьдесят авторов

БАКУ. (Наш корр.). Вышел в печати десятый номер журнала «Литературный Азербайджан», составленный преимущественно из произведений молодых авторов. Освободившись от обязательств по изданию поэмы А. Курчалы, редакция журнала обратилась к писателям...

МЫСЛИ, РЕПЛИКИ, ПРЕДЛОЖЕНИЯ...

Заглянем в будущее

Прежде всего я очень рад, что Союз писателей СССР созывает такое совещание. Это — настоящая творческая помощь литераторам, работающим в области колхозной тематики.

Все это, конечно, очень важно и необходимо, тем более, что в нашей литературе есть книги, которые, с моей точки зрения, правдиво и художественно отображают жизнь и быт современной деревни.

Если говорить о том, каким хотелось бы видеть наше будущее совещание, то надо пожелать, чтобы оно помогло широкому кругу писателей серьезней и глубже войти в курс всех преобразований, которые сейчас проводятся в сельском хозяйстве страны, увидеть перспективы его развития...

Хотелось бы, чтобы в совещании самое активное участие принимали и сами труженики колхозной деревни — партийные и советские работники, председатели колхозов, директора машинно-тракторных станций, агрономы, бригадиры, чтобы с участниками совещания поделились своими впечатлениями руководители и члены наших сельскохозяйственных делегаций, выезжавших в другие страны.

ЛЕНИНГРАД

Оперативнее и глубже

Совещание литераторов, пишущих на колхозные темы — важное событие в жизни советских писателей. Намечая пути более активного вторжения писателей в жизнь, оно должно, на мой взгляд, тщательно проанализировать и состояние очерка.

Очерк — самый боевой и оперативный жанр литературы. Это уже всеми выучено наизусть. Но на практике в большинстве случаев мы теряем оперативность очерка и его глубокую художественность.

Возьмем так называемый газетный очерк. Он часто представляет собой корреспонденцию с совершенно неожиданным вкраплением то пейзажа, то жанровой сцены. С другой стороны, так называемый журнальный очерк перерастает, как правило, либо в рассказ, либо в повесть, либо в роман, либо в драму.

Думаю, что хорошее дело затеял журнал «Новый мир», начавший печатать «Очерки наших дней». Хорошо то, что материал о событиях прошлого месяца публикуется уже в следующем месяце. К написанию таких очерков привлекаются опытные авторы. Времени для обработки материала у них не много, а в «столетом» журнале стыдно выступать с сырой вещью. Таким образом, волею-неволею писатель должен стремиться соединить оперативность с глубиной литературной работы.

Мне кажется, что на совещании разговор об очерке должен занять одно из центральных мест.

В связи с созываемым в Москве совещанием литераторов...

В связи с созываемым в Москве совещанием литераторов, пишущих на колхозные темы, редакция «Литературной газеты» обратилась к группе писателей с просьбой высказать свои предложения о том, какие наиболее важные проблемы сельского хозяйства в первую очередь обречь на совещании, как лучше его провести.

Сегодня мы публикуем несколько ответов на эти вопросы.

Но нельзя, конечно, всю художественную литературу о деревне сводить только к очерку, даже и оперативному. Самый характер происходящих сейчас в деревне событий требует, наряду с очерками, больших эпических полотен, в которых не только рождалось бы искусство, но и характер отношений колхоза к МТС, районными организациями и т. д., но был бы дан и подлинный показ эпохи, характеров людей, как в «Поднятой целине» М. Шолохова.

Поэтому думаю, что, наряду с работой писателя над статьями, корреспонденцией, очерком, нам нужно работать и над большими полотнами о нашей бурной эпохе. Показывать в них человека сегодняшней колхозной деревни.

На нашем совещании хотелось бы услышать о причинах отсутствия в литературе последних лет образов, которые навеки залпомнутся, как запомнились образы Давыдова, Нагульнова, Майданикова. Труд колхозника, безусловно, основное, что характеризует человека сегодняшней деревни. Но самое важное и интересное заключается в том, как растет внутренний мир этого человека. Именно он сам, собственными своими мечтами и мучениями должен, на мой взгляд, волновать и автора и читателя.

Очень хотелось бы, чтобы в нашем совещании произошла встреча с руководителями работниками сельского хозяйства СССР. Эта встреча и беседа с нами помогут прояснить и лучше понять то, что совершается сегодня в деревне. Хотелось бы также послушать приехавших из-за границы членов наших сельскохозяйственных делегаций, встретиться с находящимися в Москве иностранными сельскохозяйственными делегациями. Такие встречи помогли бы и тому, что мы называем обменом опытом, и расширили бы наше представление о том, как работают на земле мирные люди в других странах.

РОСТОВ-НА-ДОНУ

Обязательное условие

Предоставить совещание сможет сыграть положительную роль в развитии литературы лишь в том случае, если на нем сойдутся большой и серьезный разговор о насущных нуждах сегодняшней колхозной деревни. Без этого условия никакие литературные вопросы решить нельзя.

Мне думается, что падение Всесоюзное совещание по вопросам развития военной художественной литературы страдает бесспорными недостатками «на тему», в полном отрыве от реальной жизни и учебы Советской Армии. Хотелось бы, чтобы подобное не повторилось.

Литературные вопросы нельзя решать вне связи с жизнью народа. Не от книг надо идти. Тем более, что в книгах о колхозной деревне, даже в очерковых, написанных в последнее время, много существенного еще не сказано.

Да, жизнь уже поставила и ряд новых вопросов. Поступают, например, сведения, что колхозная демократия кое-где разрушается. Решение партии и правительства о планировании сельскохозяйственного производства снизу выполняется далеко не везде. Во многих случаях передовые колхозы попрежнему не имеют твердых планов.

Описание этого боя относится к наиболее ярким страницам романа. Все здесь — от душевных переживаний людей до мельчайших «производственных» деталей — показано с хорошим пониманием психологии человека и обстановки войны.

Георгий Березко принадлежит к числу тех писателей, которые любят ставить своего героя в обстоятельства исключительного драматизма, когда человеческие мысли, слова и поступки находятся на самом пределе.

Чрезвычайно сложная ситуация создается для Павла Громова, когда стало известно, что соседни отшли и одной роте выстоять трудно, почти невозможно. Своим решением выстоять не обречет ли Павел на явную гибель Чекина, Свешникова, Шукина — людей, жизнь которых ему верна? «Все существо Павла — доброе и привлекательное — напряглось в это мгновение. И он физически — кровь прилила к его сердцу, оно глухо застучало — почувствовать тяжесть бремени командирского, единоличного, окончательного, неумолимого решения...»

Психологический рисунок этого антагониста чрезвычайно тонкий и верный. Слово за слово одновременно и точно по смыслу и эмоционально емко. Павел, лежа на земляной янине, размышляет в противоположном направлении, но рассуждает что-либо так было трудно. И вот так пар невольно клубился над аспидно-черной водой, освободившись от льда, и лишь слышались старшие вояки, виденные в этом бегущем тумане. Самые детали пейзажа — пар, приобретающий вид аспидно-черной воды, — приобращаются в аспидно-черный цвет, — продолжает во все эти моменты из нашего сердца то, что люди в том боя стояли на краю смерти.

Глубокие раскрытия психологии героев, их переживаний — одна из наиболее сильных сторон романа. Весьма существенно

хлебозаготовительных норм. Местные заготовители обязывают их недобор хлеба с отстающими колхозов покрывать под видом так называемого хлебозакупа.

Лично многого жду также от предстоящей встречи писателей с ответственными руководителями Министерства сельского хозяйства. Взаимный обмен сведениями и наблюдениями может быть очень полезен как для тех, так и для других и, конечно, для нашего общего дела. Писатели смогут с большей уверенностью и осведомленностью продолжать работу над большими произведениями о колхозной деревне.

МОСКВА

О больших характерах

Проблема литературы — все «наиболее важные». Если бы меня спросили, что я считаю «наименее важным», я, открыв глаза, говорил, также не сумел бы ответить. Главное в литературе — человек. Эта вечная тема и есть самое важное, о чем надо говорить. Надо, чтобы в современной литературе о советской деревне чаще появлялись характеры людей из народа, простые колхозники. О больших характерах надо вести речь.

Все мы в большом долгу перед народом. Надо его много думать о требовательности писателей к самим себе.

г. ОСТРОГОЖСКИЙ, Воронежская область

Главное

В нашей послевоенной литературе по колхозную и совхозную тематику был период, когда главенствовали книги, живо напоминавшие своей направленностью Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. В произведениях такого рода писатели щедро, как правило, и талантливо воспели все бесспорные достижения колхозного строительства, что само по себе отнюдь не плохо. Однако то обстоятельство, что в своих обменных книгах авторы лишь вкратце упоминали о тех существенных недостатках и промахах, которые позднее были вскрыты в исторических постановочных партиях и правительства, лишило эти произведения большой общественной остроты и значимости.

И не случайно, что в большинстве произведений того периода действие происходило на переделах сельскохозяйственных земель страны — Украина и Кубань, Северный Кавказ, некоторые области Сибири, Поволжье, богатейшие хлопководческие районы Средней Азии...

Не случайно и то, что, за редким исключением, вне художественного изображения оказались центральная и черноморская полосы Российской Федерации — Орловщина и Рязань, Брянск и Смоленщина, Кострома и Тула — земли весьма трудные и для работы на них и для описания.

Правда, позднее этот крен в «полное благополучие и безмятежную зажиточность» был в значительной мере выправлен. С большой остротой и страстью зазвучали суровые и правдивые произведения писателей, которых не только вдохновляли достижения колхозного строя, но и по-настоящему тревожили такие не изжитые еще явления, как слабость и корысть некоторых районных и колхозных руководителей, как неумеренный трудоем, а значит, и отсутствие материальной заинтересованности крестьян, как отлив молодых творческих сил из села в город и недопустимое отставание в некоторых сельских районах не только технической, но и бытовой культуры.

Однако по-настоящему значительных по широте охвата произведений, живописующих колхозную действительность в ее все возрастающей взаимосвязи с городом и промышленностью, за последние годы в нашей литературе не появлялось.

Вот главное, по-моему, о чем следует говорить на совещании.

МОСКВА

РЕЦИДИВ ПРАРАБОТОЧНОЙ КРИТИКИ

Наша критика призвана помогать художникам способствовать тому, чтобы их талант и мастерство были направлены на создание глубоководнейших и высокохудожественных произведений. Критик обязан любить труд советских писателей, советских художников. И если он критикует недостатки произведения, то он должен делать это во имя утверждения того главного, что составляет сущность творчества художника.

Уходит в прошлое фигура угрожающего критика-проработчика, размахивающего дубиной над головой писателя, раздающего тумак и дадут о себе знать реплизы проработочной критики...

В кинотеатрах страны демонстрируется новый художественный фильм «Урок жизни» (автор сценария Е. Габрилович, режиссер Ю. Райзман). Картина эта, хотя и имеет ряд недостатков, привлекает непринужденной правдой в изображении жизни рядовых советских людей, стремлением авторов обратиться к волнующим темам быта, семьи, морали. И было бы естественно, если бы вокруг фильма завязалось серьезное творческое обсуждение.

К моменту выхода картины «Урок жизни» читатели почти одновременно получили один за другим седьмой и восьмой номера журнала «Искусство кино». В обеих книжках журнал посвятил свои выступления фильму «Урок жизни» и сценарию «Жена», по которому поставлена картина: в № 7 — статья И. Чекина «Ответственность художника» и в № 8 — статья Ю. Винокурова «Пути создания образа положительного героя».

В конце своих рассуждений об «Уроке жизни» И. Чекин справедливо замечает: «Спор вокруг интересного замысла и его воплощения — дело полезное. Однако выступления И. Чекина и Ю. Винокурова ничего общего с творческим спором не имеют — это не объективный критический разбор произведения, а бездоказательная проработка».

В чем же авторы статей обвиняют создателей фильма, в чем видят их отступления от жизненной правды?

В фильме талантливый инженер Ромашко, человек широкого размаха, открытый, честный, владеющий глубокими знаниями, желанием других людей, павший до морального перерождения, в итоге терпит катастрофу: он снят с высокого поста и строго наказан партией. Такой герой категорически не устраивает критиков, ибо, по их мнению, он якобы бросает тень на наш образ жизни, на советскую среду.

«...авторы, хотя они того или нет, — пишет И. Чекин, — наводят на мысль, что каждый талантливый инженер, конструктор или любой другой деятель крупного масштаба неизбежно подвержен червоточине властолюбия... и нет будто бы у нас силы, способной бороться с этим явлением».

Трудно представить более ханжеское и выгораживающее толкование художественного образа! С таким позицией можно объявить клеветническим любое произведение, показывающее отрицательные черты жизни, дурное, еще существующее в наших людях.

Так же примитивно истолковывает образ Ромашко и Ю. Винокуров. Не понимая сущности характера Сергея Ромашко, критик сначала приклеивает герою ярлык «конченного монстра», а затем обвиняет драматурга в том, что он в сценарии якобы «переводит Сергея в разряд великоумовичей, оценивая его как жертву определенных условий, развивающих в людях отрицательные черты характера».

Нет смысла доказывать всю несостоятельность таких утверждений: раз автор ставит всеобщее утверждение, что сценарист оправдывает и реабилитирует Ромашко, — значит он не понял сценария. Ведь и в сценарии и в фильме Сергей Ромашко решительно осуждается, кинодраматург убежденно показывает, как велика вина героя, поставившего себя над другими людьми.

Но критик не только утверждает, будто драматург возмужалывает Сергея Ромашко, — он старается уверить читателя, что такое решение образа таит опасность для художника встать в ряд с авторами произведений, которые «увлеклись изображением отрицательных сторон нашей действительности и потеряли верное объективное представление о реальной жизни с ее действительными трудностями и теневыми сторонами». Но для такого сопоставления нет никаких оснований!

Вместо того, чтобы обратить свой взгляд на живую действительность, его поверая дей-

РЕЦИДИВ ПРАРАБОТОЧНОЙ КРИТИКИ

ствия и статую героя сценария и фильма, авторы статей пытаются все подогнать под привычную убогую схему. Сергей и Наташа сразу, казалось бы, неужели для самих себя, побольше друг друга. Для Ю. Винокурова это лишь стипендиальный случай любовного фатума. Впервые Наташа чувствительна, пришла к ней настоящая, большая любовь, и остается с Сергеем, а критик приходит в ужас от «любви-безумия, любви-страдания, любви-обесчестия». Наташа не может примириться с поведением Сергея, но в то же время не может легко, просто бросить его — вот почему она дважды уезжает от мужа и дважды возвращается к нему. Но где уж понять представления о жизни, стожки и противоречивые переживания — охотно — и умная, волеватая, решительная Наташа превращается под их пером в «жертвенную», «безвольную и пошлую».

Чувство любви и долга заставляет Наташу в финале сценария и фильма окончательно вернуться к Сергею, который наказан партией и должен в качестве рядового работника испробовать свои ошибки и сейчас, как никогда, нуждается в поддержке близкого человека. Однако и этот поступок объявляется в статье Ю. Винокурова «странным выносом». По мнению критика, Наташа не должна была возвращаться к мужу, потерпевшему моральный крах, ибо ее действия, видите ли, возмущают Сергея Ромашко. Так толкуя возвращение Наташи, Ю. Винокуров искажает дело: Наташа во всем не принимает «правду» мужа, как пишет критик — «она первая оставила его, и первая пришла к нему, чтобы помочь Сергею подняться, освободиться от груза тех ошибок, которые привели к перерождению Ромашко. Называя писателя несуществующую в сценарии философию «любви вне времени и пространства», Ю. Винокуров упорно толкает драматурга на путь схемы и вульгаризации в изображении человеческих отношений, в передаче мыслей и чувств наших современников.

Можно спорить со сценаристом по поводу трактовок тех или иных сцен, связанных с образом Наташи, но нельзя, как поступает Ю. Винокуров, голословно утверждать, будто в Наташе заделаны «все свойства, черты и качества советского человека, советской женщины», делать необоснованный вывод, что автор сценария «превращает положительный образ советской женщины в отрицательный».

В своей статье Ю. Винокуров неоднократно прибегает к натяжкам. Так, например, он настойчиво уверяет читателя, что в образе Сергея Ромашко драматург хотел вывести положительный тип современности, хотя из сценария ясно, что автор не ставил перед собой такой задачи. Столь же странно Ю. Винокуров трактует характер Сергея. Он, например, пишет: «Сергей жив в малейшей мере не интересует то, что думает, чувствует, переживает девушка». Но это неправда! В сценарии Сергей с волнением ждет от Наташи ответа на свои слова: «Вот так бы и шагала нам вместе всю жизнь!.. А, Наташа?», а когда Наташа молчит, — печально произносит: «Не любите вы меня, Наташа». Разве это можно назвать проявлением равнодушия?

Нельзя не отметить еще одно обстоятельство. Восьмой номер журнала «Искусство кино» подписан и печатан в начале августа — тогда, когда была закончена работа над картиной «Урок жизни». Тем более странно выглядит появление статьи Ю. Винокурова с «разбором» сценария уже готового фильма. Мало того, что автор статьи опоры опирается на те эпизоды и приводит те реплики героев, которые не вошли в фильм, были изменены сценаристом, непонятно, почему редакция журнала выступила по сценарию, опубликованному (вспомните, в том же «Искусстве кино») больше года тому назад, именно в дни демонстрации картины.

Проявления зашустерства, проработка вместо делового и объективного анализа не имеют ничего общего с полнотой партийной, хозяйской оценкой явлений искусства. Та «бомбардировка», которой журнал «Искусство кино» подверг сценарий и фильм «Урок жизни», вряд ли будет стимулировать желание мастеров кинематографии брать за образец сложные и острые темы современности. И уж, конечно, подобное осуждение и новому талантливому произведению кинематографов никак не отвечает одной из серьезных задач журнала: всемерно способствовать привлечению писателей к работе в кино.

ЛЕНИНГРАД

50-летие Л. ПОПОВА-ЛЕНЧА

Литературная общественность отмечает 50-летие со дня рождения Леонида Сергеевича Попова-Ленча. Секретариат Союза писателей СССР направил приветствие юбиля-

ру — яркому советскому сатирику, борющемуся своим острым пером со всем отжившим и косным», с пожеланием ему больших творческих успехов.

Мирный город сражается...

Наше лучшее кино о Великой Отечественной войне убедительно показывает пути к созданию образа положительного героя-воина. Эти пути ведут через изображение подвига во всей его глубине. В подвиге полнее проявляются сущность характера, прочность тех уз, которыми отдельный человек связан с народом, действительное его патриотство. Именно свет самоотверженного патриотического подвига возмужает, делает таким ярким и Алексеем Мересьевым из «Повести о настоящем человеке», и Дмитрием Карбышевым из романа «Богда крепости не сдаются», и других героев, чей доблестный пример вдохновляет многих и многих читателей.

Ерасовой подвига привлекают и герои романа Г. Березко «Мирный город». Почти все они уже известны читателю по первой книге романа, опубликованной несколько лет назад.

Во второй части романа, как и в предыдущих главах, в центре семьи Громыных — старик Алексей Васильевич, его сын Павел, сестра Анна Васильевна.

Громыны — потомственные proletарии, воплощенные в себе лучшие качества русского рабочего класса: его революционные традиции, величайшую смелость в борьбе за право быть творцами жизни, крепкое чувство ее хозяина. Когда к их родному городу Тула подошли вражеские полчища, Громыны встали в строй — в первые ряды.

Читатели первой книги романа запомнили, сколько героической отваги проявил Павел Громын в бою. Автор ведет его и дальше — снова великие тяготы сражений, закаляющих волю, опыт войны. Павел — командир роты рабочего полка, за дело которой встали наиболее типичный участник оборонительных боев в Мшищенском полке.

Мирный город сражается...

Описание этого боя относится к наиболее ярким страницам романа. Все здесь — от душевных переживаний людей до мельчайших «производственных» деталей — показано с хорошим пониманием психологии человека и обстановки войны.

Георгий Березко принадлежит к числу тех писателей, которые любят ставить своего героя в обстоятельства исключительного драматизма, когда человеческие мысли, слова и поступки находятся на самом пределе.

Чрезвычайно сложная ситуация создается для Павла Громова, когда стало известно, что соседни отшли и одной роте выстоять трудно, почти невозможно. Своим решением выстоять не обречет ли Павел на явную гибель Чекина, Свешникова, Шукина — людей, жизнь которых ему верна? «Все существо Павла — доброе и привлекательное — напряглось в это мгновение. И он физически — кровь прилила к его сердцу, оно глухо застучало — почувствовать тяжесть бремени командирского, единоличного, окончательного, неумолимого решения...»

Психологический рисунок этого антагониста чрезвычайно тонкий и верный. Слово за слово одновременно и точно по смыслу и эмоционально емко. Павел, лежа на земляной янине, размышляет в противоположном направлении, но рассуждает что-либо так было трудно. И вот так пар невольно клубился над аспидно-черной водой, освободившись от льда, и лишь слышались старшие вояки, виденные в этом бегущем тумане. Самые детали пейзажа — пар, приобретающий вид аспидно-черной воды, — приобращаются в аспидно-черный цвет, — продолжает во все эти моменты из нашего сердца то, что люди в том боя стояли на краю смерти.

Глубокие раскрытия психологии героев, их переживаний — одна из наиболее сильных сторон романа. Весьма существенно

роль при этом выполнял диалог. Лаконичные и своеобразные, они резко подчеркивают ту или другую сторону характера, придают образу большую пластичность.

Решение идейно-художественного замысла Г. Березко не замыкает только в рамках семьи Громыных. Тема «Мирного города» в широком плане — это тема подвига рабочего класса в Великой Отечественной войне. Смысл рабочего класса сражался с оружием в руках на всех фронтах, но своеобразно подвига, замечательного писателем. — превращение мирного города в крепость, когда война подступила к его стенам.

Здесь нет возможности говорить в отдельности обо всех или хотя бы о многих героях «Мирного города». Среди них есть и вышуклые, пластические фигуры — Казак, Николай, Орлов, и менее заметные и мало удачные. К последним следует отнести, в частности, художника Бухарцева — немецкого резидента. В первой книге романа этот образ был недостаточно ясен в своей социально-политической эволюции. А во второй книге — и вовсе забыт писателем.

Положительные герои романа — рядовые советские люди, те, которых принято называть «маленькими». Но какими воистину могучими предстают они в борьбе! Тема бесмертия рабочего класса, народа утверждается и в отдельных эпизодах и логично развивается образ романа. На заводе, в борьбе с пожаром, возникшим от фашистских бомб, получает смертельные ожоги и умирает Алексей Васильевич Громын. Как эстафету, принимает Павел от отца защиту всего, что создано старшим поколением советских людей. «...Время, которое нес в жизни Алексей Васильевич, то суровое и неисканное, и старшее и радостное время целиком теперь лежало, казалось, на плечах писателя... Павел понял, что в глубине души он до сих пор — пока даже отеч — ощущал себя рядом с ним, ведь так не мальчишкой. Хотя и натыкался рядышк на вынужденный его. И вот он как бы вступил на его место в мире, открывшем бурю. А в нем самом точно продолжалось чувствовать и надеяться, и идти даль-

ше, и любить, и ненавидеть, и сражаться его отеч».

Некоторые критики первой книги упрекали Г. Березко за то, что он отступил в ней от правды жизни, во-первых, потому, что сделал якобы рабочий подвиг главной силой, которая остановила танковые дивизии Гудериана на рубеже города Тула, и во-вторых, что показал регулярные части советских войск сильно потрепанными, не оснащенными мощной боевой техникой.

Нет, писатель не погрешил против действительности, сказав, что наши отступающие войска были сильно изурнованы боями. Известно, что Советская Армия в 1941 году под воздействием превосходящих сил гитлеровцев, использовавших такое преимущество, как внезапность нападения, вынуждена была отступить вплоть до московских рубежей.

Справедливо ли, далее, претензии к автору романа за якобы непрямое акцентирование на роли рабочего полка в битве за город Тула? Единственным основанием для подобного утверждения было то, что в романе не нашло места достаточно подробное изображение регулярных советских войск. Но ведь по замыслу автора этого и не требовалось. Задача его была не в том, чтобы показать всю войну, все ее стороны, а очень конкретный участок — мирный город, ставший городом-воином. При подобном замысле регулярные части могли быть только названы (что и сделано автором), могли подражаться, стать своеобразным фоном действия. Никто не обвинит, например, Н. Чувковский за то, что в романе «Балтийское небо» он показал не весь Ленинградский фронт, а лишь людей одной эскадрильи?

И все же, видимо, под влиянием этой критики Березко во второй книге уделил довольно значительное место изображению советских регулярных войск. И вот тут-то замечание, которое было раньше неправильным, получило известное обоснование, — правда, дело не в увеличении роли рабочего полка, а в другом, в относительно бедном изображении регулярных частей.

Во второй книге их показ становится как бы отдельной линией романа. Появляются новые действующие лица.

Среди них есть бесспорно удачные образы. Кратко, но убедительно дана, например, характеристика лейтенанта Горбунова, человека с выдумкой, творческим подходом к делу, воюющего не числом, а умением. Живое стал образ полковника Богданова, теперь командира крупного соединения. В разговорах героев и в авторской речи есть интересные мысли о стратегии войны, о достоинстве и чести командира и т. п.

И все же «армейская линия» не весьма удачна. Отдельные персонажи, как, например, комиссар Матюков, вообще не подпадают выше схемы.

Спорными представляются также главы, посвященные партизанской борьбе, — как в первой, так и во второй книге. Автор преувеличивает силу и практическое значение партизанского движения в Подмосковье на исходе 1941 года.

Вводя в действие романа воинов регулярных советских частей, изображая партизанское движение в тылу врага, писатель стремился к более полной охвату действительности, но сделал на этом пути лишь один шаг.

Большое синтетическое произведение о народной войне, решенное в эпическом плане и художественно завершенное, естественно, отразит жизнь всего советского общества в период войны. Здесь будут показаны и действия регулярных частей, и партизан, и героическая работа тыла. До такого уровня «Мирный город» не поднимается. И потому «партизанская линия» в романе не получает надлежащей пропорции.

При всех своих недостатках «Мирный город» — произведение примечное в военно-художественной литературе, показывающее, на какой великий подвиг способен мирный советский человек.

И. КОЗЛОВ

Эдмунд ОСМАЧИК, польский публицист, лауреат Государственной премии

Мне понравилась эта огромная страна, раскинувшаяся между Атлантическим и Тихим океанами...

Осенью 1947 года Канада показала мне простор «периферийной» Соединенных Штатов. Мне давалось тогда, что Канада, которая когда-то была французской провинцией...

В беседах с многочисленным народом в различных городах, на границе с США в глубине страны...

В то же время, чтобы это несколько парадоксальное заключение стало яснее, хочу напомнить следующее. Население Канады не является национально монолитным...

Ныне в Канаде, очень молодом государстве, установившемся только после второй мировой войны...

Канада в вопросах культуры явно тяготеет к Европе. Это и понятно. Национальные английские и французские традиции твердо укоренились в Канаде...

С недавнего времени в кругах канадской интеллигенции «модно» увлечение репрессиями против туристов?

Первая поездка туристов из Западной Берлина и Германской Федеральной Республики в Советский Союз...

Такое положение вещей, однако, не нравится западногерманским апологетам «холодной войны»...

Руководитель западноберлинского отделения «Немецкого бюро путешествий» Буксе...

Все же пресс-конференция состоялась — в ресторане на Феррелингер плати. И прошла она очень бурно.

Эта же судьба постигла и другого туриста — рабочего Бухина. Фирма «Шраубен-Бушке» уволела его с работы...

Другие участники собрания рассказали о подобных случаях на заводах «Осрам» и «Шеринг».

Репрессии против участников туристской поездки в СССР не делают чести властям Западной Германии...

очень интересным национальным искусством оскимосов, живущих на далеком севере страны. Эта резьба по кости и камню, действительно, ошеломляюще красива...

Европейское влияние сказывается и в том, что в стране трудно встретить человека, который бы не понимал, хотя бы в общих чертах, нынешних европейских проблем...

В годы «холодной войны» в канадском обществе родился дух самозащиты. Американское экономическое влияние...

Такое самобличие гражданских свобод всеяется в канадцев чувством собственного достоинства. Не следует, впрочем, забывать, что еще когда Канада была колонией...

Одним из очень характерных проявлений канадской национальной гордости был факт, имевший место летом этого года. Молодая канадка Мэрилен Белл...

Американо-канадские организаторы соревнований, подписавшие с американской командой контракт...

После того как в 1951 году попытки западных держав создать так называемое «средне-восточное командование» провалились...

Далеко западная пресса не скрывает истинных целей багдадского пакта, рассматривая его как прямое дополнение к агрессивным Север-атлантическому союзу и договору СЕАТО.

Новая книга Ж. Ханна — это обвинительный акт против колониальных держав, стремящихся под видом «союзов» и «оборонительных пактов» сохранить господство над этим богатейшим районом мира.

Далеко западная пресса не скрывает истинных целей багдадского пакта, рассматривая его как прямое дополнение к агрессивным Север-атлантическому союзу и договору СЕАТО.

Далеко западная пресса не скрывает истинных целей багдадского пакта, рассматривая его как прямое дополнение к агрессивным Север-атлантическому союзу и договору СЕАТО.

Далеко западная пресса не скрывает истинных целей багдадского пакта, рассматривая его как прямое дополнение к агрессивным Север-атлантическому союзу и договору СЕАТО.

Далеко западная пресса не скрывает истинных целей багдадского пакта, рассматривая его как прямое дополнение к агрессивным Север-атлантическому союзу и договору СЕАТО.

Грандиозная задача. Если бы я был полностью свободен в выборе времени, которое должен продолжить фильм «Красное и черное»...

Во второй части мы не смогли показать политического заговора герцога де ля Моля. И все это по тем же причинам, необходимым сокращениям!

Все эти кушоры — и многие другие — мы делали скрепя сердце. Но для того, чтобы показать, в частности, заговор, нам бы потребовалось, если не ограничить себя одной голый схемой...

Мне вынуждены были, таким образом, поставить в центре все, что связано с любовью Жюльена и малам де Реналь, с любовью Жюльена и Матильды де ля Моля.

Жюльен Сорель, которого создал вместе с нами Жерар Филипп, думается нам, верен гению книги, и наша «мораль» соответствует последней проносившейся в картине фразе: «Любовь господствует над всем, и бог и люди перед ней бессильны».

Жюльен Сорель, которого создал вместе с нами Жерар Филипп, думается нам, верен гению книги, и наша «мораль» соответствует последней проносившейся в картине фразе: «Любовь господствует над всем, и бог и люди перед ней бессильны».

Жюльен Сорель, которого создал вместе с нами Жерар Филипп, думается нам, верен гению книги, и наша «мораль» соответствует последней проносившейся в картине фразе: «Любовь господствует над всем, и бог и люди перед ней бессильны».

«Заклинатель змей» на арабском Востоке, или повесть о военных блоках. Рисунки художника Абд-Ас-Самия из египетского журнала «Роз аль-Йусеф»

Книга Жюльена Ханна с большой обличительной силой развенчивает фарисейскую демагогию творцов багдадского пакта и беспощадно разоблачает нечестные приемы тех, кто подготовку к агрессии пытается выдать за оборону.

Ж. Ханна подчеркивает, что он не против сотрудничества и укрепления дружбы между различными государствами, но справедливо замечает, что для этого не нужны никакие военные блоки.

Ж. Ханна подчеркивает, что он не против сотрудничества и укрепления дружбы между различными государствами, но справедливо замечает, что для этого не нужны никакие военные блоки.

Ж. Ханна подчеркивает, что он не против сотрудничества и укрепления дружбы между различными государствами, но справедливо замечает, что для этого не нужны никакие военные блоки.

В расширении и укреплении культурных связей между советским народом и народами других стран большое значение принадлежит такому массовому виду искусства, как кино.

В последние годы в нашей стране широко проводятся фестивали зарубежных фильмов, во время которых зрители знакомятся с киноискусством какой-либо из зарубежных стран.

Сегодня мы публикуем материалы, посвященные этим фестивалям. Мы видели свою цель также и в другом. Мы хотели внушить французам, возможно большому количеству наших зрителей, желание прочесть и пережить «Красное и черное» — великую книгу, которую наш фильм не мог воссоздать ни во всех ее эпизодах, ни во всех ее действующих лицах.

Жерар Филипп в роли Жюльена Сореля. Снимок из газеты «Леттр Франсез»

Во второй части мы не смогли показать политического заговора герцога де ля Моля. И все это по тем же причинам, необходимым сокращениям!

Все эти кушоры — и многие другие — мы делали скрепя сердце. Но для того, чтобы показать, в частности, заговор, нам бы потребовалось, если не ограничить себя одной голый схемой...

Мне вынуждены были, таким образом, поставить в центре все, что связано с любовью Жюльена и малам де Реналь, с любовью Жюльена и Матильды де ля Моля.

Жюльен Сорель, которого создал вместе с нами Жерар Филипп, думается нам, верен гению книги, и наша «мораль» соответствует последней проносившейся в картине фразе: «Любовь господствует над всем, и бог и люди перед ней бессильны».

Жюльен Сорель, которого создал вместе с нами Жерар Филипп, думается нам, верен гению книги, и наша «мораль» соответствует последней проносившейся в картине фразе: «Любовь господствует над всем, и бог и люди перед ней бессильны».

Жюльен Сорель, которого создал вместе с нами Жерар Филипп, думается нам, верен гению книги, и наша «мораль» соответствует последней проносившейся в картине фразе: «Любовь господствует над всем, и бог и люди перед ней бессильны».

Жюльен Сорель, которого создал вместе с нами Жерар Филипп, думается нам, верен гению книги, и наша «мораль» соответствует последней проносившейся в картине фразе: «Любовь господствует над всем, и бог и люди перед ней бессильны».

Жюльен Сорель, которого создал вместе с нами Жерар Филипп, думается нам, верен гению книги, и наша «мораль» соответствует последней проносившейся в картине фразе: «Любовь господствует над всем, и бог и люди перед ней бессильны».

Хорошей традицией в нашей стране стало проведение фестивалей зарубежных фильмов, во время которых зрители знакомятся с киноискусством какой-либо из зарубежных стран.

Сегодня мы публикуем материалы, посвященные этим фестивалям. Мы видели свою цель также и в другом. Мы хотели внушить французам, возможно большому количеству наших зрителей, желание прочесть и пережить «Красное и черное» — великую книгу, которую наш фильм не мог воссоздать ни во всех ее эпизодах, ни во всех ее действующих лицах.

Сегодня мы публикуем материалы, посвященные этим фестивалям. Мы видели свою цель также и в другом. Мы хотели внушить французам, возможно большому количеству наших зрителей, желание прочесть и пережить «Красное и черное» — великую книгу, которую наш фильм не мог воссоздать ни во всех ее эпизодах, ни во всех ее действующих лицах.

Сегодня мы публикуем материалы, посвященные этим фестивалям. Мы видели свою цель также и в другом. Мы хотели внушить французам, возможно большому количеству наших зрителей, желание прочесть и пережить «Красное и черное» — великую книгу, которую наш фильм не мог воссоздать ни во всех ее эпизодах, ни во всех ее действующих лицах.

Сегодня мы публикуем материалы, посвященные этим фестивалям. Мы видели свою цель также и в другом. Мы хотели внушить французам, возможно большому количеству наших зрителей, желание прочесть и пережить «Красное и черное» — великую книгу, которую наш фильм не мог воссоздать ни во всех ее эпизодах, ни во всех ее действующих лицах.

Сегодня мы публикуем материалы, посвященные этим фестивалям. Мы видели свою цель также и в другом. Мы хотели внушить французам, возможно большому количеству наших зрителей, желание прочесть и пережить «Красное и черное» — великую книгу, которую наш фильм не мог воссоздать ни во всех ее эпизодах, ни во всех ее действующих лицах.

Сегодня мы публикуем материалы, посвященные этим фестивалям. Мы видели свою цель также и в другом. Мы хотели внушить французам, возможно большому количеству наших зрителей, желание прочесть и пережить «Красное и черное» — великую книгу, которую наш фильм не мог воссоздать ни во всех ее эпизодах, ни во всех ее действующих лицах.

Сегодня мы публикуем материалы, посвященные этим фестивалям. Мы видели свою цель также и в другом. Мы хотели внушить французам, возможно большому количеству наших зрителей, желание прочесть и пережить «Красное и черное» — великую книгу, которую наш фильм не мог воссоздать ни во всех ее эпизодах, ни во всех ее действующих лицах.

Сегодня мы публикуем материалы, посвященные этим фестивалям. Мы видели свою цель также и в другом. Мы хотели внушить французам, возможно большому количеству наших зрителей, желание прочесть и пережить «Красное и черное» — великую книгу, которую наш фильм не мог воссоздать ни во всех ее эпизодах, ни во всех ее действующих лицах.

Сегодня мы публикуем материалы, посвященные этим фестивалям. Мы видели свою цель также и в другом. Мы хотели внушить французам, возможно большому количеству наших зрителей, желание прочесть и пережить «Красное и черное» — великую книгу, которую наш фильм не мог воссоздать ни во всех ее эпизодах, ни во всех ее действующих лицах.

Сегодня мы публикуем материалы, посвященные этим фестивалям. Мы видели свою цель также и в другом. Мы хотели внушить французам, возможно большому количеству наших зрителей, желание прочесть и пережить «Красное и черное» — великую книгу, которую наш фильм не мог воссоздать ни во всех ее эпизодах, ни во всех ее действующих лицах.

Сегодня мы публикуем материалы, посвященные этим фестивалям. Мы видели свою цель также и в другом. Мы хотели внушить французам, возможно большому количеству наших зрителей, желание прочесть и пережить «Красное и черное» — великую книгу, которую наш фильм не мог воссоздать ни во всех ее эпизодах, ни во всех ее действующих лицах.

главе с председателем Центрального правления кинематографии при Совете министров Польской Народной Республики Леонардом Борковичем.

Пребывание в Ленинграде много дало нам. Мы побывали в студии «Ленфильм», встречались с ленинградскими деятелями кино, в частности с режиссерами Козинцевым и Васильевым, которого хорошо знают в Польше, как одного из авторов замечательного советского кинофильма «Чапаев».

Я считаю, что это одна из лучших картин, созданных в Советском Союзе. По ней участвую в нашей кинематографии. Так, молодой режиссер Анджей Вайда, поставивший фильм «Покорение», видел «Чапаева» 37 раз. Да и я был на этой картине десять раз...

Очень теплым и дружеским был вечер в ленинградском Доме кино, где собрались работники искусств города. В непринужденной обстановке мы долго беседовали о творческих вопросах, волновавших всех нас — это трудно.

Ныне мы выпускаем 8—9 художественных фильмов в год. В 1960 году должны будем выпустить 16. Помимо об этом, мы стремимся расширить не только техническую базу нашей кинематографии, — сейчас оборудована новая киностудия в Варшаве, и найти новые формы сотрудничества творческих работников. Такими киностудиями называются творческие мастерские. Сейчас их уже шесть в стране. Эти мастерские преследуют двоякую цель — они объединяют людей, близких по своей художественной манере, по творческим склонностям, дают возможность им сообща работать над фильмом и помогают воспитывать молодых актеров, режиссеров, операторов польского кино. Руководят творческими мастерскими крупные режиссеры. В каждую мастерскую входят несколько молодых работников кино.

Весь этот коллектив работает над какой-либо одной картиной. Кроме того, в составе каждой творческой мастерской есть еще литературный руководитель, ответственный за сценарий. Обычно это писатель, литературный критик или историк. Сейчас в мастерских работают также писатели и деятели кино, как Ежи Анджековский, Альфонс Рудзинский, Кишиот Телли. Если режиссер получает сценарий «сверху», то теперь каждый из коллективов собственными силами готовит драматургическую основу фильма. Это не означает, разумеется, что литературные руководители сами должны писать сценарии, их обязанностью является работа со сценаристом, подготовка его произведения к съемкам. Возможность самостоятельного заказа и работы над сценарием для своих фильмов — одно из важных преимуществ киномастерских. Большая свобода творческих исканий, несомненно, в определенное время скажется на качестве выпускаемых нами фильмов.

Сейчас на наших студиях закончено производство нескольких новых картин. Среди них — исторический фильм «Подгале в огне», рассказывающий о восстании польских крестьян в середине XVII века и о связях с войсками Богдана Хмельницкого; кинокомедия «Ирена, домо!»; в которой ставятся вопросы об активном участии женщины в хозяйственной и культурной жизни страны; два фильма на спортивные темы — «Три неудачи» и «Закладываем велосипед». Закончены также съемки цветного приключенческого фильма «Дело летчика Мареня».

Какие картины находятся в производстве? Режиссер Е. Кавалерович работает над кинофильмом «Тень» по сценарию А. Сибиряковского. Основой для сюжета послужили рассказы писателя, объединенные темой борьбы польского народа с силами реакционной власти в восстании 1794 года. Действие первого рассказа происходит еще во времена оккупации, второго — в 1947 году и третьего — в наши дни, в Силезии. Фильм-сказка «Варшавская ирена» — по легенде об основании нашей столицы — делает режиссер Т. Микартинский (сценарий Т. Дыгата). Над приключенческим фильмом для молодежи «Тайна старой шахты» (сценарий Нижуруского) работает режиссер Берестовский. Еще одна цветная кинокартина, которую скоро увидят польские кинозрители, создается по классической комедии А. Фелло «Отмщение» режиссерами Бодкевичем и Коженевским.

Уже в этом перечислении нетрудно увидеть один из важнейших недостатков работы наших кинематографистов — востановление востановления. Действие первого рассказа происходит еще во времена оккупации, второго — в 1947 году и третьего — в наши дни, в Силезии. Фильм-сказка «Варшавская ирена» — по легенде об основании нашей столицы — делает режиссер Т. Микартинский (сценарий Т. Дыгата). Над приключенческим фильмом для молодежи «Тайна старой шахты» (сценарий Нижуруского) работает режиссер Берестовский. Еще одна цветная кинокартина, которую скоро увидят польские кинозрители, создается по классической комедии А. Фелло «Отмщение» режиссерами Бодкевичем и Коженевским.

Уже в этом перечислении нетрудно увидеть один из важнейших недостатков работы наших кинематографистов — востановление востановления. Действие первого рассказа происходит еще во времена оккупации, второго — в 1947 году и третьего — в наши дни, в Силезии. Фильм-сказка «Варшавская ирена» — по легенде об основании нашей столицы — делает режиссер Т. Микартинский (сценарий Т. Дыгата). Над приключенческим фильмом для молодежи «Тайна старой шахты» (сценарий Нижуруского) работает режиссер Берестовский. Еще одна цветная кинокартина, которую скоро увидят польские кинозрители, создается по классической комедии А. Фелло «Отмщение» режиссерами Бодкевичем и Коженевским.

Уже в этом перечислении нетрудно увидеть один из важнейших недостатков работы наших кинематографистов — востановление востановления. Действие первого рассказа происходит еще во времена оккупации, второго — в 1947 году и третьего — в наши дни, в Силезии. Фильм-сказка «Варшавская ирена» — по легенде об основании нашей столицы — делает режиссер Т. Микартинский (сценарий Т. Дыгата). Над приключенческим фильмом для молодежи «Тайна старой шахты» (сценарий Нижуруского) работает режиссер Берестовский. Еще одна цветная кинокартина, которую скоро увидят польские кинозрители, создается по классической комедии А. Фелло «Отмщение» режиссерами Бодкевичем и Коженевским.

Уважаемый товарищ редактор! Разрешите через Вашу газету выразить мою глубокую благодарность всем организациям и товарищам, принесшим свою лепту в организацию и потившим память Иосифа Исааковича Ликстанова. Лидия Ликстанова

Анри-Жорж КЛУЗО, режиссер фильма «Плата за страх»

Польское кино сегодня. Закончился III фестиваль польских фильмов в Советском Союзе. Советские зрители, познакомясь с кинокартинами «Покорение», «Час надежды», «Карьера», по достоинству оценили новые достижения наших друзей.

Открытие фестиваля в Москву прибыла делегация польских кинематографистов во главе с председателем Центрального правления кинематографии при Совете министров Польской Народной Республики Леонардом Борковичем.

Пребывание в Ленинграде много дало нам. Мы побывали в студии «Ленфильм», встречались с ленинградскими деятелями кино, в частности с режиссерами Козинцевым и Васильевым, которого хорошо знают в Польше, как одного из авторов замечательного советского кинофильма «Чапаев».

Очень теплым и дружеским был вечер в ленинградском Доме кино, где собрались работники искусств города. В непринужденной обстановке мы долго беседовали о творческих вопросах, волновавших всех нас — это трудно.

Ныне мы выпускаем 8—9 художественных фильмов в год. В 1960 году должны будем выпустить 16. Помимо об этом, мы стремимся расширить не только техническую базу нашей кинематографии, — сейчас оборудована новая киностудия в Варшаве, и найти новые формы сотрудничества творческих работников. Такими киностудиями называются творческие мастерские. Сейчас их уже шесть в стране. Эти мастерские преследуют двоякую цель — они объединяют людей, близких по своей художественной манере, по творческим склонностям, дают возможность им сообща работать над фильмом и помогают воспитывать молодых актеров, режиссеров, операторов польского кино. Руководят творческими мастерскими крупные режиссеры. В каждую мастерскую входят несколько молодых работников кино.